

Александр ВАРГО
и «Апостолы Тьмы»

ДОНОР

*Интуиция надо верить. Особенно когда
она не шепчет, не подсказывает,
а уже просто умоляет и вопит...*

18+

Алексей Шолохов
Александр Варго
Донор (сборник)
Серия «MYST. Черная книга 18+»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29854081

Александр Варго «Донор». Серия «MYST. Черная книга 18+».

Литературно-художественное издание: Издательство «Э»; Москва;

2017

ISBN 978-5-04-090645-1

Аннотация

Грустно, но на вечеринку Евгению предстояло ехать одному. Он сидел в придорожном кафе в одиночестве, глядя в пустой стакан. Друзья ждут, вечеринка в особняке обещает быть незабываемой. Может, прихватить с собой эту странную, некрасивую женщину, которая села напротив него? «Поедешь со мной? – предложил Евгений. – Обещаю, что будет весело!». Она согласилась. Нет, она просто навязалась ему! И это был знак судьбы, но он его не понял. И потом, когда они неслись на мотоцикле по шоссе, прямо под колесо метнулась призрачная черная тень. И это тоже был дурной знак. Не надо было брать ее с собой, не надо...

Содержание

Александр Варго	4
Донор	4
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Александр Варго и «Апостолы Тьмы» Донор

Александр Варго

Донор

*«... Жизнь – это усталость, растущая с
каждым шагом...»*

Сэмюэл Батлер

Стряхнув с члена последнюю каплю мочи, Евгений Золотарев аккуратно подтянул трусы и лишь после этого с тихим и коротким «вжиг» застегнул молнию кожаных мотоштанов.

«Цвет светло-желтый, прозрачный, – машинально отметил он, перед тем как смыть за собой. – Как и должно быть у здорового человека».

Евгений утопил кнопку слива, с шумом зажурчала вода, увлекая в бесконечные недра канализации продукт жизнедеятельности мужчины.

Он вышел из туалетной кабинки и, подойдя к умывальни-

ку, долго и тщательно мыл руки, одновременно вспоминая «бородатый» анекдот про Чапаева и Фурманова:

– Василий Иванович, а нас после туалета учили мыть руки!

– А нас учили не ссать на руки...

Золотарев улыбнулся краем рта.

Промокнув влажные руки салфеткой, он внимательно посмотрел в зеркало. Даже под байкерской косухой из толстой буйволиной кожи, сшитой по индивидуальному заказу, угадывалось крепкое мускулистое тело, закаленное многолетними изнурительными тренировками в тренажерном зале. Решительно-волевое, практически лишенное морщин лицо гладко выбрито, взгляд уверенный, пристально-оценивающий. Несмотря на подкрадывающийся юбилей (в октябре Евгению должно было исполниться пятьдесят), выглядел он превосходно и знал об этом. Близкие и знакомые вполне искренне уверяли его, что максимум он тянет на сорок. Лишь слегка посеребренные сединой виски – вот, пожалуй, и все, что могло намекать на его истинный возраст.

Выйдя из туалета, Золотарев направился к своему столику, на котором его терпеливо дожидались два матово-черных шлема, поблескивая поликарбонатовыми визорами.

Он уселся на лавку с мягкой обивкой, убрав шлемы со стола и положив рядом. К нему тут же метнулся нескладно-худощавый официант, подобострастно улыбаясь. Взглянув на меню, которое тот держал в руках, Евгений покачал головой:

– Не надо. Зеленый чай есть?

– Конечно, – с готовностью ответил официант. – Что-нибудь еще?

– Пока не надо.

Официант понятливо кивнул и тут же исчез.

Евгений перевел взор на часы. Сдвинул брови, забарабанив пальцами по столу.

Странно, уже пять минут седьмого, а Нади до сих пор нет.

Заскрипев складками куртки, он выудил из внутреннего кармана смартфон и выбрал из списка контактов номер своей недавней знакомой. В ухо полилась какая-то заезженно-сопливая мелодия, которую Золотарев, плотно сжав губы, терпеливо слушал почти минуту. Надя трубку не брала. Скрывая раздражение, он положил гаджет на стол, гипнотизируя его пронзительным взглядом своих темно-синих глаз.

«Маленькая засранка, – подумал он. – Надеюсь, ты не специально заставляешь меня ждать?!»

Мысли Евгения вернулись к дачному коттеджу, окруженному со всех сторон густыми зарослями. Тому самому уютному коттеджу с просторным подвалом, разбитому на секции (у каждого члена клуба – свой закуток), где буквально с минуты на минуту должна начаться грандиозная вечеринка.

Он почувствовал, как участилось сердцебиение, а рот наполнился густой слюной, и до хруста сцепил пальцы в «замок». Наверное, такие же ощущения испытывает подросток, спешащий на пьянку к другу, у которого на выходные свали-

ли родители – сам таким был и прекрасно помнил все эти чувства. Адреналин зашкаливает, особенно если среди приглашенных девчонки...

«Лишь бы эта вишенка не положила хрен на нашу поездку...»

Официант принес чай, и в этот момент в придорожное кафе вошла незнакомка. Мелодично звякнули стеклянные колокольчики, висевшие над дверью фиолетовыми гроздьями, словно спелый виноград. Золотарев инстинктивно повернул голову, цепким взглядом оценивая женщину.

На вид вошедшей было чуть более тридцати. Высокая, как жердь, она будто стеснялась своего роста, отчего сильно сутулилась. Вытертая до белизны косуха болталась на женщине, как тряпка на швабре, потрепанные джинсы в неровных прорехах, сквозь которые выглядывали худые незагорелые коленки. Лицо бледное и усталое, взгляд темных глаз отстраненно-потухший, как если бы минуту назад все ее мечты разбились вдребезги, как хрупкая ваза об бетонный пол. Длинные иссиня-черные волосы, темные глаза и заостренные черты лица делали ее похожей на цыганку. За ее спиной висел рюкзак из потерто-засаленной джинсы.

Тощую шею посетительницы опоясывала красная бандана, и, глядя на этот мятый изжеванный платок, Евгению внезапно сделалось смешно. Казалось, эту великовозрастно-увядшую металлистку каким-то неизъяснимым образом занесло сюда из середины девяностых, из эпохи активного

развития отечественной субкультуры, когда неформальная молодежь повально слушала «Ганз`н`Роузез» и «Эксепт» и, не раздумывая, продала бы душу дьяволу, ну если не за казаки со стальными набойками, то за косуху уж точно...

Впрочем, вместо брендовых ковбойских сапог на ногах незнакомки красовались разбитые кроссовки, густо припорошенные пылью. Неуверенно шаркая ими по дощатому полу бара, она села за ближайший столик и застыла, невидяще уставившись перед собой.

Ее появление не осталось без внимания других клиентов придорожного заведения. Слева от нее, у окна, расположилась шумная компания, состоящая из трех молодых парней. Проводив многозначительными взглядами неформалку, один из них с заговорщическим видом что-то произнес, отчего его приятели громко расхохотались, расплескивая в пузатых кружках темное, как нефть, нефильтованное пиво.

«Ребята скоро нарежутся», – отметил Евгений, заметив стоящий на столике компании запотевший графин, наполненный явно не водой.

Мысленно фыркнув, он потянулся к чашке, от которой вверх не спеша поднимались струйки ароматного пара. Сделав осторожный глоток, Золотарев вновь посмотрел на часы.

«А если она вообще не придет?» – неожиданно подумал он.

Что ж, этот вариант событий тоже нельзя было исключать, в этом мире все возможно. Жизнь постоянно вносит свои

коррективы в планы, причем зачастую в самые неподходящие моменты, се ля ви. Но тогда придется что-то решать, причем оперативно. Ехать одному на пикник ему не хотелось.

Глотнув еще чаю, Евгений непроизвольно покосился на женщину.

Она сидела в полной неподвижности, повернув голову в сторону окна. Когда рядом остановился официант и обратился к ней, неформалка несколько секунд продолжала молча смотреть в окно, не реагируя на предложение о заказе. Лишь после повторного вопроса женщина встрепенулась и что-то тихо сказала. Криво улыбнувшись, официант отошел от ее столика.

Тихо зажужжал смартфон, который Золотарев немного ранее специально поставил на беззвучный режим.

«Надя», – шевельнулась догадка, но это была не она.

– Привет Айболиту, – захрустел в трубке хрипловато-дробный голос. – Это Молчун. Как бодрость духа? Опять у какого-то старого хрыча салфетку в брюхе забыл после операции, хе-хе? Или вместо почки удалил селезенку?

– Привет, – сдержанно ответил Евгений. Кашляющий бас приятеля перемежался с зубодробильными аккордами какой-то хардкоровой группы и чьим-то лающим смехом. – Я так понял, все в сборе?

– Ну, почти что. Винтик и Шпунтик уже на подъезде. Когда сам будешь?

Он замялся. Стоит ли ждать Надежду или плюнуть и ехать одному? На трассе наверняка можно подцепить какую-нибудь автостопщицу или просто одинокую сучку.

– Моя подружка задерживается, – сообщил он, едва скрывая досаду. – Если не дождусь, через пятнадцать минут выдвигаюсь.

– Давай. Если твоя киска тебя продинамит, не огорчайся. Буратино привез двух Мальвин, про запас. Так что если что, одна из них – твоя.

– Идет, – согласился Золотарев.

– Ты на своем лисапеде?

– Да.

– Все детство в жопе играет? Дрын-дрын-дрын... – изобразил Молчун работу мотоциклетного двигателя. – Айболит, а ты в курсе, что у тебя был незаконнорожденный брат? – вдруг осведомился он. – Патологоанатом. И звали его Айумер.

– Чудесно, – кисло улыбнулся Евгений, слушая хриплый гогот приятеля, который напоминал ему скрежет ржавых шестеренок. Про себя он подумал, что кличка Молчун явно неудачна для его словоохотливого собеседника. Болтун» – да. А еще лучше П... бо».

– Приезжай скорее, дружище, – отсмеявшись, сказал Молчун. – Моя любимая бритва наточена острее самурайского меча, а мой хрен уже почти час стоит колом, как только я прикрою глаза и представлю, какая замечательная сегодня

будет ночь. Надеюсь, ты испытываешь то же самое.

Евгений промычал в трубку что-то невнятное. Обсуждать предстоящую «веселуху» в баре, где как минимум десяток посторонних ушей, желания не было.

– Ладно, на связи, – хмыкнул Молчун и, не дождавшись ответа Золотарева, отключился.

Евгений посмотрел на остывающий чай и вздохнул.

Пока он разговаривал по телефону, троица за соседним столом продолжала медленно, но неуклонно накачиваться ядреным коктейлем из пива и водки, время от времени заказывая все новые порции. Их разгоряченные выпивкой лица покраснелись, речь становилась все более громкой, все чаще слышались скабрзные шуточки, за которыми неизменно следовал оглушительный хохот. Наконец один из компании, с обвислыми, как у бульдога, щеками и выпирающим брюхом, со скрипом подвинул свой стул к женщине.

В висок будто что-то кольнуло, и Евгений медленно повернул голову в ее сторону. Она смотрела прямо на него, и он внезапно ощутил, как где-то глубоко внутри нечто заскользило блекло-неясной тенью, словно крошечная ящерка по теплomu, нагретому за день, камню, едва касаясь его своими сморщенными цепкими лапками.

«Она выглядит так, будто хочет что-то сказать, – неожиданно подумал Золотарев. – Словно... словно кто-то невидимый зажимает ей рот».

– Девушка... – заговорил толстяк проникновенным то-

ном. – Девушка... мне кажется, я вас вчера где-то видел.

Она молчала, не шелохнувшись.

– Эй! Вы глухая? – начал раздражаться парень, щелкнув пальцами прямо перед носом неформалки. Наконец та осмысленно посмотрела на назойливого толстяка.

– Вы это мне?

– Конечно. А кому же еще?

Двое приятелей новоявленного Ромео захрюкали, давась смехом. Вероятно, реплика товарища показалась им удачной шуткой.

– Куда поплывешь, рыбка? – осклабился парень.

Женщина отвернулась, и лицо толстяка побагровело, став похожим на старую свеклу.

– Я еще не закончил, – процедил он. – Чего молчишь?

Евгений спокойно сидел, сложив перед собой руки. Он перехватил взгляд женщины, почувствовав, как где-то внизу живота медленно и тягуче растекается тепло, словно липкий мед.

– Поехали с нами, – икнув, продолжал тем временем толстяк.

Неформалка медленно покачала головой.

Парень качнулся ближе и сказал, понизив голос:

– Я доведу тебя, куда захочешь. Только сначала мы пойдем ко мне в ик... в машину. Ты когда-нибудь ездила в машине? А, деревяшка? Ты что, совсем ку-ку?

Она поднялась и, не глядя на хама, двинулась в сторону

Золотарева. Толстяк проводил ее злобным взглядом, но один из собутыльников ему что-то сказал вполголоса, и тот нехотя передвинулся обратно к компании.

Повесив рюкзак на спинку стула, женщина села напротив Евгения:

– Вы позволите?

Золотарев с равнодушным видом пожал плечами.

– Мне все равно, – бросил он. Про себя он подумал, так ли это на самом деле, и после секундного размышления пришел к выводу, что он лукавит.

Ему *не было* все равно.

Теперь Евгений мог разглядеть лицо незнакомки с близкого расстояния, что он делал, не особенно стесняясь.

Она была некрасива. Тяжелый подбородок, слишком большой рот и слегка выступающие вперед зубы делали эту худую и высокую женщину похожей на лошадь, причем весьма вымотанную и изможденную, словно ее только что загнали в стойло после провальных скачек на ипподроме. Густые, отливающие синевой волосы смоляным каскадом спускались чуть ли не до пояса.

«Глаза», – промелькнула у Евгения мысль.

Да, пожалуй, глаза – единственное, чем можно было гордиться при подобной внешности, решил он. Несмотря на отрешенность и полусонный вид, громадные темные глаза незнакомки буквально излучали притягательную силу, и Золотарев неожиданно поймал себя на мысли, что точно так же

можно созерцать вечерний прилив.

Он обратил внимание на руки женщины – пальцы были тонкими и изящными, и, несмотря на отсутствие лака, все, кроме больших, были унизаны серебряными кольцами. Из-под банданы на шее выглядывал кулон в виде темно-зеленого прозрачного шара, который стискивала костлявая лапа.

– Я не помешала вам? – нерешительно спросила она, будто заранее готовясь услышать «да, помешали» или «спасибо, но хотелось бы побыть в одиночестве».

– Я ведь уже сказал, – мягко ответил Евгений. Взглянув на стакан с водой, он прибавил:

– Могу угостить вас чем-нибудь.

Женщина с озадаченным видом перевела взгляд на стакан, словно видела его впервые в жизни.

– Нет, благодарю.

– Далеко направляетесь?

Она издала нервный смешок.

– Наверное. То есть... Да в общем-то, мне все равно.

– Хм... Прямо как Алиса в Стране чудес, – заключил Евгений. – Может, на «ты»?

– Конечно.

Предложение перейти на неформальный стиль общения женщина приняла с явным облегчением, словно фамильярности причиняли ей зубную боль.

Она протянула Золотареву свою руку:

– Я Шанита.

– Евгений, – представился он, пожимая руку своей новой знакомой. Пальцы Шаниты были сухие и прохладные, а рукопожатие оказалось неожиданно крепким.

– Интересное имя, – заметил Золотарев после короткой паузы. – Венгерское?

Она качнула головой.

– Цыганское, если быть точным.

Мужчина покосился на неформалку.

«Собственно, что-то цыганское в ней есть... Волосы, перстни...»

– Это твой байк на стоянке? – поинтересовалась Шанита, и Евгений усмехнулся:

– Нет. Я пришел сюда в шлеме, а другой принес с собой. Люблю прогуляться в таком прикиде по трассе, знаешь ли. Разве там есть другие мотоциклы? – удивился он, видя замешательство женщины.

– Нет, – растерянно проговорила Шанита.

– Тогда можно было просто догадаться. Конечно, это мой мотоцикл.

Она выдавила жалкую улыбку.

«Хватит трепаться, – неожиданно заскрипел внутренний голос. – Нашелся, мля, Казанова. Поднимай свою задницу и вали из этой дыры. Молчун и другие Веселые Человечки ждут».

– Я так плохо выгляжу? – вдруг спросила Шанита, внимательно следя за выражением лица мотоциклиста. – Только

не ври.

Евгений приподнял бровь.

– С чего ты решила?

Она отвела взгляд.

– У тебя в глазах жалость. Жалость и даже брезгливость.

Он на мгновение смутился, но быстро взял себя в руки.

– Что ж, не буду спорить, – хмыкнул Золотарев. – Извини, но ты выглядишь так, будто по тебе каток только что прошелся. Тебя повесили просушиться на веревочке, но тебя сорвал ветер и принес в эту придорожную кафешку.

– Ты недалек от истины, – кивнула женщина. Она допила воду, отодвинув стакан в сторону. Заметив пробегающего мимо официанта, Евгений поднял руку, и тот, резко изменив маршрут и виляя между столиков, метнулся к нему:

– Еще что-нибудь?

– Нет, рассчитайте.

И добавил, указав на пустой стакан, из которого пила Шанита:

– И это тоже.

– Конечно, – вежливо кивнул официант, но от Евгения не ускользнуло, что тот был разочарован. Конечно, на зеленом чае и минералке немного-то заработаешь, а на чаевые можно даже не надеяться.

– Так что у тебя случилось? – прямо спросил Евгений, когда официант ушел к стойке.

Шанита сделала неопределенный жест кистью в воздухе:

– Все старо как мир. От женщины уходит мужчина, которого она любила. И произошло это час назад.

Очевидно, она ожидала, что этот случайный знакомый засыплет ее уточняющими вопросами, но Золотарев лишь терпеливо ждал, изучающе глядя на нее.

– Он тоже ездит на мотоцикле, – продолжила она после паузы. – И сегодня я рассчитывала на поездку... Однако мое место на заднем сиденье было занято другой. Так что они уехали, а я осталась стоять на МКАДе, как дура. Пока какой-то дедуля на «пятерке» не сжалился и не подбросил меня сюда...

– Значит, это не *твой* мужчина, – просто сказал Евгений, когда Шанита закончила свой короткий и незамысловатый рассказ. – В этом мире все закономерно. Сегодня он бросил тебя, завтра бросят его. Система балансировки, понимаешь? Где-то убудет, где-то прибавится. Не принимай это близко к сердцу.

– Как это все просто у тебя звучит, – угрюмо отозвалась Шанита. – Ты что, психолог?

– Ну, почти. Врач, – уклончиво ответил Золотарев.

Когда подошел официант, он, коротко бросив «без сдачи», сунул ему двести рублей.

– Ты не веришь в чувства? – тусклым голосом спросила Шанита. Краем глаза она заметила, что с соседнего столика на нее продолжает пялиться пьяный толстяк. Заметив ее взгляд, парень изобразил глотательное движение, энергично

толкая языком изнутри щеку.

Помрачнев, Шанита снова взглянула на Евгения.

– Не верю я ни в какую любовь, – спокойно ответил Золотарев. – Поверь моему опыту, Шанита. Есть животный инстинкт, как у первобытных. Когда партнеры по постели видят, что они могут сосуществовать вместе, появляется привязанность. И они какое-то время живут под одной крышей, с неохотой притираясь к недостаткам друг друга. Может, они разбегутся через неделю. А может, они проживут долго. И эта долбаная привязанность сопровождается всякой ненужной хренью, которую рождает наше закомплексованное сознание – долг, обязанность, верность, честность... На самом деле нет ни фиги. Всем руководит слепая биология. Самец хочет самку, она не против, все предельно четко и прозрачно. От животных мы почти ничем не отличаемся. Поэтому мой тебе совет – никогда ни к чему не привязывайся. Будет легче жить, запомни. И, кстати, это одна из буддийских доктрин.

– Что ж, и любви нет? – прищурилась Шанита.

– Нет, – невозмутимо ответил Евгений. – Слово «любовь» и все, что с ней связано, было придумано, чтобы не платить денег.

Шанита была потрясена и несколько секунд обдумывала слова мотоциклиста, разглядывая свои пальцы.

– Странно слышать такие вещи, – наконец проговорила она. – Тем более от женатого мужчины. У тебя ведь навер-

няка есть дети, верно?

Теперь замер Евгений.

«Что за чертовщина? Я ей ничего не рассказывал. Может, она ясновидящая?»

Шанита рассмеялась, как если бы прочитала его мысли:

– У тебя загорелые пальцы, и след от кольца не заметит только слепой. Я просто предположила и наверняка угадала. Ну, так как?

– Все верно, – кивнул Золотарев, инстинктивно стиснув пальцы в кулаки. – И дети у меня есть. Дочке уже семнадцать...

Он умолк, не желая развивать тему. Ни к чему посвящать эту кобылу в личное, он и так тратит тут драгоценное время.

– Послушай, я сейчас приду. Я быстро, – извиняющимся тоном сказала Шанита, и Золотарев сухо кивнул.

Как только женщина направилась к туалету, он вновь набрал Надежду.

Вызов сбросили, а через мгновение экран вспыхнул новым смс-сообщением от его знакомой.

«Женя, извини, сегодня не получится. Я позвоню».

С каменным лицом он сунул смартфон в карман.

«Сука. Считай, что сегодня тебе повезло», – озлобленно подумал Евгений. Сердито посмотрел на шлемы, которые бок о бок мирно лежали на лавке.

Возле стола бесшумно появилась Шанита.

– Уезжаешь? – тихо спросила она, видя, как Евгений нерв-

но застегивал карманы на молнии. Он перевел на нее задумчивый взор.

«Мальвины... Две Мальвины, Айболит, – всплыли в памяти слова Молчуна. – Одна из них – твоя».

В голове что-то с треском щелкнуло, и Евгений моргнул, словно прогоняя обрывки неприятного сна.

К черту Мальвину. И одну, и другую.

– Поедешь со мной, Шанита? – задал он вопрос, глядя женщине прямо в глаза. Притихнув, она смотрела на него, и на ее бледных щеках проступил румянец, а потухшие глаза ожили, заискрившись.

– Обещаю, что будет весело, – продолжил Евгений, улыбаясь. – Через два часа мы будем на даче у моего друга. Тусовка в стиле рок-н-ролл, костер, шашлык, пиво, песни под гитару... А в воскресенье я отвезу тебя домой.

– Это здорово. Но...

Шанита замялась.

– Ну?

– Ты... гм... нормальный? Не сделаешь мне больно? – смущенно спросила она. Громадные темно-серые глаза, казалось, заполонили все лицо женщины.

«Что за наивная дура?!» – с изумлением подумал Евгений, наблюдая, с каким напряженным выжиданием она смотрела на него. Вслух же он обронил:

– Я не в том возрасте, чтобы маньячить на трассах. Не хочешь – сиди здесь, я и так опаздываю.

С этими словами он встал из-за столика и, прихватив шлемы, двинулся к выходу.

«Она останется. Останется».

Этот внутренний голос безостановочно скрипел в мозгу, словно некий псих с ожесточением ковырял вилкой дно кастрюли, и Золотарев шел нарочито медленно, с надеждой ожидая шага за спиной. И, когда он уже оказался у выхода, смирившись с тем, что в дорогу отправится в одиночку, на его плечо мягко легла рука Шаниты:

– Поехали, ковбой.

Повесив свой шлем на рукоятку руля, Евгений начал застегивать куртку. Шанита тем временем с нескрываемым восхищением разглядывала мотоцикл своего нового знакомого. Хромированные детали байка поблескивали в лучах заходящего солнца.

Она осторожно провела указательным пальцем по сиденью, искусно обшитому крупнозернистой кожей и декорированному бахромой.

– Это кожа питона, – пояснил Евгений, доставая ключ зажигания.

– «Индиан», – прочитала Шанита фирменный лейбл легендарного байка, изображенный на каплеобразном баке. Евгений кивнул.

– Модель «Чифтэйн», – прибавил он.

– Круто, – похвалила Шанита. – Он похож на пчелу. Точ-

нее, на шмеля.

Мотоцикл и впрямь издали своей раскраской смахивал на насекомое, с которым его сравнили, – ярко-желтый, с угольно-черными поперечными бороздами, причем профессионально выполненная аэрография в 3D-формате создавала стойкую иллюзию, что поверхности крыльев и бака были не гладкими, а пушистыми, каким и является тельце шмеля. Впрочем, учитывая размеры мотоцикла, он скорее смахивал на дремлющего буйвола, чем на жужжащее насекомое.

Золотарев повернул ключ зажигания и завел мотор. «Индиан» мгновенно проснулся, вспыхнула фара ближнего света, двигатель, ожив, зарычал, выплевывая из узких, сверкающих хромом прямотоков белые клубы дыма.

– Какой у него объем? – стараясь перекричать рев мотора, громко спросила Шанита.

– Один и восемь. Тебе хватит, – усмехнулся Евгений. – Дай сюда шлем.

Слегка озадаченная, женщина выполнила просьбу.

– У меня будет одно условие. Я не люблю скучать в дороге, – произнес Евгений, щелкнув какой-то кнопкой внутри шлема. – Так что будешь меня развлекать историями.

– Мне придется орать тебе на ухо? – с сомнением спросила Шанита. – Ты ни фиги не услышишь.

«Она и впрямь из прошлого», – мысленно поразился Золотарев.

– Эти каски оборудованы переговорным устройством, –

пояснил он, возвращая шлем неформалке. – Там встроенный наушник с микрофоном, видишь? Мы будем с тобой разговаривать, как по телефону. Разве твой бывший парень не использовал эти прибабасы?

Шанита покачала головой.

«А ездила ли она вообще на мотоцикле?» – внезапно подумал Евгений, но эта мысль сразу же растворилась среди других, как дым, с ревом вырывающийся из глушителей его мотоцикла. В сущности, даже если она его обманула, это ничего не меняет. Он ведь тоже ей наплел про шашлык и песни у костра, хе-хе. Так что они квиты.

– Ладно. Перчатки у тебя есть?

Шанита с готовностью полезла в карман.

Евгений вздохнул, глядя на это облезлое убожество из кожзаменителя с обрезанными пальцами, но комментировать ничего не стал. Если при падении рука в такой перчатке соприкоснется с асфальтом, то от пальцев останутся только кровоточащие обрубки.

– Сначала сажусь я, потом ты. Ноги держи подальше от глушителей, иначе сожжешь. – Он ткнул пальцем, и она послушно кивнула. Накинув рюкзак, Шанита принялась застегивать косуху.

– Надевай шлем, – велел Золотарев, когда все было готово.

– Эй, рокеры!

Они одновременно обернулись.

Вихляющей походкой к ним направлялся тот самый толстяк из бара. Футболка выбилась из-под джинсов, оголив мясистое пузо, покрытое завитками черных волос. Одутловатое лицо покраснелось, обвислые щеки трепыхались при каждом шаге.

Евгений, уже намеревающийся надеть шлем, нахмурился.

Парень приблизился вплотную, нагло уставившись своими мутными глазами на замершую Шаниту:

– А я вспомнил, где я тебя видел, рыбка. На прошлой неделе. Ты здесь ошивалась в пятницу, одна.

– Послушай... – начала Шанита, но тот ее прервал, повысив голос:

– Заткнись и не перебивай! Это ведь была ты? Только в джинсе, так? Шарилась тут, как цыганье. Че тебе здесь надо?

– Отвали, – тихо, но решительно произнесла Шанита, и багровая от выпивки физиономия парня расплылась в глумливой ухмылке. Он словно ждал этих слов, как сигнал.

– Конечно, отвалю. Только прощальный поцелуй, рыбка. Иди ко мне, селедочка.

Он шагнул вперед, но замер, едва не наткнувшись на руку Шаниты с выставленным средним пальцем. Лицо толстяка исказилось в яростной гримасе.

– Вот так, значит, да? Сссучара...

Ухватившись за палец женщины, правой рукой он отвел ей оплеуху. Шанита вскрикнула, выронив шлем, и попятилась назад.

– Прощальный поцелуй, шлюха, – прошипел толстяк, двигаясь. – Я не меняю своих... ик! Своих решений.

Все это время Евгений спокойно наблюдал за происходящим. Перехватив преисполненный страхом взгляд Шаниты, он сказал как ни в чем не бывало:

– Подними шлем. Он, между прочим, денег стоит.

Она открыла рот, но тут же закрыла, словно испугавшись слов, которые могли вырваться наружу.

– Давай, поднимай, – повторил Золотарев. – Мы и так тут задержались.

Толстяк повернулся к мотоциклисту, сверля его ненавистно-колючим взглядом.

– Я че-то не вкурил. Кто-то что-то пропищал... Рыбка, ты слышала? Кто тут? А! Ой, кто это? Педрило на мацацикле! Или нет. Это не педрило, а просто педик. Педик на лисапедике, да?

На лице Евгения не дрогнул ни один мускул.

Парень шагнул вперед, оказавшись перед ним на расстоянии вытянутой руки. Дыша смертоубийственным перегаром, он медленно, чуть ли не по слогам отчеканил:

– Что, даже не вступишь за свою новую дырку? Ее я помню. А вот тебя, клоун, нет. Зачем ты тут остановился? Езжал бы к себе, таким же разукрашенным педикам. Вам будет весело.

– Не грубите, – ровным голосом произнес Золотарев. – Я вас не оскорблял и вам не тыкал.

Ухмылка напившегося хама стала еще шире, он явно наслаждался происходящим, нарываясь на драку.

Между тем на крыльце придорожного кафе появился приятель толстяка. Закурив, он с интересом следил за стремительно развивающимся конфликтом.

– Как вы там себя называете? Байкеры? Байкеры-х... керы, – прокудахтал толстяк. – Меньше всего ты похож на байкера. Думал, напялил куртку за тридцать штук и купил «Харлей», так тебе все телки давать должны?! Вот у меня в деревне был «Восход». Я его до винтика разбирал и снова собирал. На рыбалку ездил, девок возил, трахал их на сеновале. Я – байкер. А ты говно и мудак.

Он опустил свою толстую руку на хромированное зеркало мотоцикла. Большим пальцем потер сверкающую поверхность, затем поднес к носу и сморщился, как от дурного запаха.

– Убери лапу с мотоцикла. И катись на хер отсюда, – сквозь зубы приказал Евгений, и толстяк удовлетворенно кивнул, мол, все идет по задуманному плану.

– Голосок прорезался, педик? – осведомился он издевательски. – Тявкать начал? Зубки не боишься обломать?

– Пошел на хер, – повторил Золотарев, и через мгновение кулак пьяного задиры уже летел ему в лицо. Удар был такой силы, что Евгений потерял равновесие и упал на асфальт. Из разбитой губы хлынула кровь.

– Вот так, – хмыкнул толстяк, картинно разминая толстые

пальцы. – Еще вопросы, педик?

Евгений сплюнул кровь, осторожно потрогал кончиком языка зубы. Вроде не шатаются.

– Это было быстро, – сказал он все так же спокойно. – Драться ты умеешь.

Приятель толстяка, дымивший сигаретой на крыльце бара, лениво хлопнул в ладоши:

– Пять баллов, Серж.

– Прекратите, – бледнея, воскликнула Шанита. – Зачем эти разборки?!

Парень встал в боксерскую стойку, закрыв локтями живот и сдвинув сбитые кулаки к подбородку.

– Вставай и получи вторую пилюлю, – процедил он, напружинившись.

Евгений слегка приподнялся, подогнув одну ногу.

Прошло несколько секунд. Толстяк неспешно топтался, продолжая держать наготове кулаки, Шанита растерянно переводила взгляд с него на Золотарева, который даже не предпринимал попыток встать на ноги, «Индиан» тархтел на холостых оборотах как ни в чем не бывало. Ситуация становилась курьезно-идиотской, и повисшую паузу наконец нарушил «боксер».

– Ладно. Лежачих не бьем. Вставай.

Евгений вяло заелозил, поморщившись.

Толстяк присел на корточки. Злость в его глазах сменило тупое любопытство, так малолетний садист разглядывает

жука с оторванными лапками.

– Что, педик, сломался? Разобрался, как «Лего», от одного тычка? А я ведь только вполсилы тебе въ... л.

– Спины, – буркнул Евгений.

«Боксер» вздохнул с деланным сочувствием.

– Бывает. У моей бабки тоже спину тянет. Но она дояркой уже пятьдесят лет пашет и в огороде с утра до вечера. А ты небось бумажки в офисе весь день двигаешь туда-сюда. И дронишь на порнуху какую-нить. Куда ты вообще, такая развалюха, собрался на своем драндулете? Сидел бы дома, «Поле чудес» смотрел и чай пил...

– Хватит, – негромко произнес Золотарев.

– Лады, – сжалился толстяк, протянув растопыренные пальцы, – давай краба. Мы зла не держим.

Помедлив, Евгений ухватился за руку «боксера», и тот одним резким рывком помог подняться мотоциклисту.

– Валите отсюда, – уже беззлобно сказал он, глядя как Евгений с Шанитой торопливо надевают шлемы. – В следующий раз отделаю так, что вперед ногами вынесут. И свой тарантас сменишь на инвалидную коляску.

Золотарев с непроницаемым лицом сел на мотоцикл, убрал стальную подножку. Кровь продолжала сочиться из рассеченной губы. Шанита быстро уселась сзади, сквозь прозрачный визор шлема на «боксера» глядели ее сверкающие гневом глаза.

– Пока, рыбка, – ухмыльнулся толстяк, сделав неуклюжий

реверанс. – Будем считать, что вместо твоего поцелуя этот хер поцеловал мой кулак. Еще встретимся.

Его товарищ, отправив окурок в урну, визгливо засмеялся.

«Индиан» тронулся с места и, вырулив со стоянки, мгновенно набрал скорость и через несколько секунд скрылся из виду.

Толстяк плюнул им вслед, затем озабоченно уставился на ладонь правой руки. Помогая подниматься этому ряженому клоуну, он царапнул мизинец. Очевидно, зацепился за «молнию» на рукаве дурацкой куртки.

– Педик, – презрительно фыркнул он, направившись обратно в бар. – Педик и селедка.

* * *

Урча низким мерным рокотом, «Индиан» степенно катил по шоссе, ловко петляя между автомобилями. Крупный байк водители замечали издали и торопливо сворачивали в сторону, уступая дорогу.

Несколько минут никто из них не произнес ни слова, затем Шанита не выдержала:

– Это было мерзко. Ты что, совсем не умеешь драться?

– Я работаю головой, – последовал спокойный ответ. – И не уподобляюсь дворовому быдлу.

– Даже когда это быдло бьет на твоих глазах женщину? А

если бы это животное подняло руку на твоего ребенка?!

Ей показалось невероятным, когда она услышала в ответ смех. Беспечный смех уверенного в себе человека, у которого все в порядке и прыщик на носу – его единственная проблема в настоящий момент. словно не его три минуты назад унижали и оскорбляли, в довершение ко всему одним ударом свалив на асфальт и в кровь расплющив губы.

– Не обижайся, Шанита, – наконец отозвался Золотарев. – Но не ставь моих родных и себя на одну доску. «Если бы...», «ударил бы»... ненавижу эти сослагательные наклонения. Но раз ты так настойчиво требуешь объяснений, я тебе отвечу, хотя не в моих правилах оправдываться. Этот гопник был раздражен, что ты не уделила ему внимания. Я тоже вызвал у него антипатию хотя бы тем, что отличаюсь от него и его собутыльников. Выражать свои эмоции этот урод умеет только с помощью ненормативной лексики. Если это не помогает, он прибегает к насилию.

– И к чему эта философия? – фыркнула Шанита. – Ты пятнадцать минут назад мне рассказывал, что все устроено по примитивному уровню, как у первобытных. Вот тебе пожалуйста, ситуация на уровне пещерного человека. Один бьет другого, а другой падает на землю и лежит, прости, как мешок с дерьмом. Кто победил? Победил этот пьяный гопник! А ты в глубокой заднице!

Евгений снисходительно усмехнулся.

– Это он так думает, Шанита, – возразил он. – Он думает,

что вышел победителем. Понимаешь? Я не стану опускаться на его уровень. Если бы я сейчас ввязался в драку, неизвестно чем бы все закончилось. Возможно, к делу подключились бы его приятели – они следили за конфликтом. Наверняка кто-то вызвал бы полицию, а по итогам драки, скорее всего, потребовалась бы помощь медиков... а то и труповозки. А я сегодня намерен оторваться, и все эти левые телодвижения мне ни к чему. Я планирую отдохнуть, и я отдохну. Ни один нажравшийся ублюдок с единственной пунктирной извилиной в мозгу не сможет повлиять на мои планы. Теперь тебе ясно?

– Ясно, – проворчала Шанита.

«Мне ясно, что я села к трусливому сукину сыну», – подумала она.

– Я, наверное, вымирающий вид, – приглушенно сказала вслух Шанита. – Но все равно считаю, что мужик должен уметь держать удар.

– Детка, не нужно было перед носом этого придурка факки крутить, – с легким раздражением проговорил Золотарев, которому явно надоело мусолить эту тему. – Я никому ничего не должен. Ты не леди Ровена, а я не рыцарь Айвенго. Если будешь бухтеть дальше, я высажу тебя прямо здесь, на обочине. Так что давай сменим пластинку.

– Хорошо. Надеюсь, ты не обиделся.

– Врачи на больных не обижаются, – с усмешкой проговорил Евгений, но Шанита сделала вид, что пропустила ехид-

ную фразу мимо ушей.

– Сколько тебе лет? – немного помолчав, спросила она.

– Скоро будет пятьдесят.

Шанита присвистнула.

– Хорошо сохранился, – заметила она.

– Благодарю.

– Наверное, спортом занимаешься?

– Чтобы поддерживать форму, одного тренажерного зала недостаточно. Большое внимание следует уделять сбалансированному питанию. Поменьше жирного, больше белков и растительной пищи. Никакого алкоголя и сигарет. Ну, и психологический климат. Чем меньше стрессов, тем лучше.

– Прямо-таки идеальный дядечка, хоть на обложку журнала тебя. А вот у меня все в точности наоборот, – грустно усмехнулась Шанита. – В моей жизни никогда не было спорта, зато курить я начала в четырнадцать лет. Пробовала травку и кое-что покрепче. Люблю коньяк, но могу выпить и водки в хорошей компании. А вот стрессы... Хм, вся моя жизнь – сплошной стресс. Я ведь седая на самом деле. Мои волосы начали седеть, когда мне только стукнуло двадцать. Так что я их постоянно крашу, чтобы не выглядеть как ведьма.

– Ты признаешь, что зависишь от чужого мнения, – сказал Евгений. – Кому какое собачье дело, какого цвета твои волосы? Я вчера мужика в метро встретил, он был в наряде индейского вождя, а на плече тащил бревно. И ему, судя по всему, было глубоко плевать на мнение окружающих. Лад-

но. Как тебе, удобно? Нравится мой двухколесный, как ты говоришь, шмель?

– Мотоцикл классный, – похвалила Шанита. – И цвет интересный. Кстати...

– Ну-ну, продолжай, – весело подбодрил ее Золотарев.

– Я немного знакома с психологией. Так вот, люди, предпочитающие желтый цвет, весьма категорично настроены по отношению к тем, кто имеет какие-либо недостатки. Эти люди также любят вступать в споры, ну, и вообще привлекать к себе внимание. По-моему, как раз про тебя.

– Интересно, – протянул Евгений. – Давай дальше.

– Этим личностям свойственна уверенность в собственных силах и высокая самооценка. Кроме желтого, в твоём байке присутствует также черный цвет, а их сочетание воспринимается подсознательно... как бы тебе сказать... в общем, как признак опасности, своеволие. Видел на трансформаторных будках таблички? На желтом фоне черная молния.

– Надо же, – удивился Золотарев. – Никогда ни о чем подобном не слышал. Но ты все равно села ко мне. Правда?

– Правда, – согласилась Шанита. – Видишь ли, сейчас я нахожусь в такой заднице, что села бы к любому.

– Даже к тому пьяному утырку? – осведомился он.

– Нет. Как ты сказал ранее про доски... Вот и ты не ставь себя и этого подонка на одну доску. Уж слава Богу, я могу найти отличие между белым и черным.

– Кстати, он сказал, что видел тебя на прошлой неделе, –

вдруг сказал Евгений. – Помнишь?

Шанита кашлянула.

– Он не мог меня видеть, ковбой. Хотя бы потому, что сегодня я оказалась здесь впервые. Он наверняка опять был пьян и спутал меня с кем-то.

– Вполне вероятно.

Несколько минут они молчали. «Индиан» уже давно съехал с кольцевой дороги и теперь катил по шоссе, все дальше и дальше отдаваясь от города.

Уставшее солнце медленно опускалось за верхушки деревьев, изредка вспыхивающие среди ветвей рубиновые отблески напоминали тлеющие угольки в разворошенном костре.

Внезапно впереди, метрах в тридцати, через дорогу опрометью метнулась черная тень, и Шанита вскрикнула от неожиданности. Мотоцикл резко затормозил, и ее по инерции качнуло вперед. Послышался стук шлемов. Существо уже скрылось в кустах, но женщина успела заметить, что этим животным, столь безрассудно носящимся по шоссе, была кошка.

– Тьфу ты, – выругался Евгений, вновь набирая скорость. – Не хватало еще черной кошки на дороге.

– Ты веришь в приметы? – спросила Шанита.

– Я верю в законы физики и биологии.

«Ага. Другого ответа от тебя можно было не ждать», – мысленно произнесла она.

– У тебя есть домашние животные?

– Нет. И никогда не будут. Мне достаточно видеть их в зоопарке или по телевизору.

– Ты так категоричен... можно поинтересоваться, с чем это связано? – задала вопрос Шанита.

Золотарев долго молчал, потом заговорил:

– Что ж, ты сама попросила. Знаешь, я вот сейчас увидел эту черную бестию и вспомнил случай из детства.

Голос его звучал расслабленно, почти умиротворенно.

– Когда мне было лет семь, мы были на даче. Откуда-то прибился котенок, тоже черного цвета. Тощий, грязный, весь в репейниках, мяукал постоянно. В общем, бродячий. А дело уже осенью было, прохладно. Моя мама его покормила, а потом мы стали собираться. Котенок куда-то пропал, и все о нем забыли. А когда мы приехали и вышли из машины, то в нос сразушибанул запах горелого. Отец поднял капот... В общем, скорее всего, котенок еще на даче залез туда, чтобы погреться, – движок еще был теплый, так как отец утром ездил куда-то. Все, что от него осталось, – горелая лепешка из шерсти и спекшейся плоти. Я заплакал, а маму вырвало. Отец приказал нам идти домой, а сам принялся отскребать двигатель. Этой ночью я плохо спал. И поклялся, что никогда не буду заводить домашних питомцев.

Шанита на мгновение представила себе картину – испуганное лицо маленького мальчика, дымящийся двигатель, прилипший к нему трупик несчастного котенка, и ее пере-

дернуло.

– Это ужасно, – выдавила она.

– Это жизнь, – поправил ее Евгений со свойственной ему философской ноткой в голосе. – Она часто бывает весьма непредсказуемой, Шанита. Но иногда она замечательна.

Она вздохнула.

– Если я не ошибаюсь, ты вроде бы врач?

– Вроде, – подтвердил Золотарев.

– В какой сфере? – уточнила Шанита. – Или это коммерческая тайна?

Мужчина ответил не сразу, словно решая, стоит ли посвящать случайную знакомую в свою работу, затем все-таки подал голос:

– Ты что-нибудь слышала о трансплантации органов и тканей?

– Ну да, – не очень уверенно ответила Шанита. – Когда больным почки пересаживают, сердце и прочее?

– Именно.

– Ого. Ответственная у тебя работа, – уважительно произнесла она. – И сколько стоит пересадка, к примеру, сердца?

– В России сумма стартует со ста тысяч долларов. За рубежом – дороже. Но по нашим действующим законам операцию оплачивает государство. Проблема в другом, Шанита. Операцию можно сделать по квотам, а вот с донорством может выйти заминка. Некоторые реципиенты умирают, не дождавшись своей очереди.

– Ничего удивительного, если учесть, в какой стране мы живем. Помню, в юности я несколько раз перечитывала Беляева, и его «Голова профессора Доуэля» – одно из моих любимых. Вот интересно, когда ваши специалисты научатся пересаживать головы?

– В обозримом будущем это исключено, – ответил Золотарев. – Проблема в спинном мозге. Все импульсы нашего тела мы получаем через спинной мозг. Если у человека при пересадке головы это не восстановится, то голова не сможет управлять телом и принимать его сигналы. На фига тогда нужна такая операция, если человек будет инвалидом? С таким же успехом голову можно пришить к заднице – эффект будет абсолютно таким же.

– А что еще нельзя пересаживать? – снова спросила Шанита.

– Головной мозг и глаза. Все дело в нервах, ткань которых очень плохо срастается. И вообще... Хм, детка. Я тут болтаю-болтаю, может, ты мне что-то расскажешь? Изначальная договоренность была такая!

– Рассказчик из меня фиговый, – призналась Шанита.

– Поведай, откуда у тебя такое имя. И вообще о себе.

– Тебе и правда будет интересно слушать это?

– Не спрашивал бы, если бы это было так, – произнес Золотарев.

Шанита задумалась на несколько секунд, потом заговорила:

– Мой дед познакомился с бабкой в 1920-х годах. Он служил в Красной армии, воевал с басмачами в Ферганской долине. Ему было двадцать четыре, а ей тринадцать. По сути, он ее выкупил у басмачей. Потом он сказал, что просто пожалел мою будущую бабушку. Мол, стоит такая чумазая, в каком-то тряпье, босая... Моджахеды обмолвились, что как-то наткнулись на перебитый цыганский табор, и она была единственной, кто выжил. Черные волосы, блестящие, огромные глаза – такой была моя бабушка. В свои тринадцать она уже была беременна, но ребенок родился раньше срока мертвым. Несмотря на это, дед никогда не спрашивал, кто отец ребенка. Он очень привязался к ней и вскоре увез с собой. Были учтены его заслуги, и он смог сделать документы для нее. В 1955 году родилась моя мама, которая уже родила, разумеется, меня. Мама говорила, что именно бабушка настояла, чтобы мне дали имя Шанита. Она умерла всего шесть лет назад, ей было сто четыре года. Если говорить обо мне, то вся моя биография уместилась бы на трех строчках. Когда мне было двадцать, я была безумно влюблена в одного парня, но он погиб под колесами машины. После этого у меня произошел выкидыш. Детей у меня нет, замужем не была. По образованию художник-дизайнер... живу с матерью. Вот, собственно, и все. Плохая девочка с непростой судьбой.

– Интересно, – отозвался Евгений, но голос его звучал безразлично. – Потрепала тебя жизнь. Может, какую-нибудь книгу расскажешь?

– Сколько нам еще ехать? – спросила Шанита.

– Чуть больше часа.

Она наморщила лоб.

– После твоих слов о пересадке органов я вспомнила об одном фильме. Он называется «Донор». Ты смотрел его?

– Нет. Валяй, рассказывай.

– Этот фильм об одном успешном враче, который тоже занимался пересадкой органов. Все у него было чудесно – дружная семья, хорошая работа, огромный дом за городом... И вот однажды серьезно заболела его дочь – у нее стали отказывать почки. Требовалась срочная операция, но подходящего донора все никак не было. Врач использовал все связи, но все было тщетно. Почему-то мысль о том, что умирающей дочери можно отдать свою почку или почку матери, этому врачу в голову не приходила. Ведь общеизвестно, что полученная почка от родственников приживается лучше всего. Хотя бывали слу...

– Шанита, ты будешь рассказывать про приживаемость трансплантируемых органов *мне*? – нетерпеливо перебил ее Евгений.

– Ну, конечно, кому я объясняю, – добродушно согласилась Шанита и продолжила:

– В общем, этот человек за определенную сумму договорился с одной санитаркой, которая работала в «Скорой помощи», чтобы ему всегда сообщали о больных с опасными травмами. Ты, конечно, понимаешь зачем. Но все равно под-

ходящий донор все никак не попадался. И когда уже мужчина совсем отчаялся, неожиданно раздался звонок.

«Крепкий, здоровый парень, автокатастрофа», – сказала ему санитарка, и врач помчался в больницу. У молодого человека был поврежден позвоночник, были проблемы с дыханием, и его подключили к аппарату искусственной вентиляции легких. Санитарка незаметно забрала у него паспорт, поэтому в больнице его привезли как неопознанного. Пока он был без сознания, врач сделал необходимые анализы. И представляешь, вуаля, все параметры совпали. Знаешь, что сделал этот врач?

– Нет, – холодно ответил Евгений. – Это ведь ты смотрела фильм, а не я.

– Он убил его. Отключил от аппарата ИВЛ, и все. Быстро изъям почку, сунул в морозилку и в ту же ночь пересадил ее своей дочери. Он особо не скрывал, что почка была получена от этого бедняги. Мол, тот все равно был безнадежен, зачем добру пропадать... Девочка сразу пошла на поправку, и у нее все отлично.

Немного помедлив, Шанита сказала, понизив голос:

– И сейчас у нее все отлично. Она собирается поступать в институт.

«Индиан», вздрогнув, слегка вильнул в сторону, словно едва не наехав на препятствие.

– Аккуратнее. Не хотелось бы грохнуться на скорости сто километров в час, – мягко произнесла Шанита.

– И чем же закончился этот увлекательный фильм? – хрипловатым голосом спросил Золотарев.

– Я пока не знаю. Говорят, вскоре будет вторая серия. Я только знаю, что в конце первой серии объявилась какая-то девушка. Она искала этого парня, ведь, как выяснилось, они собирались пожениться. Они даже успели подать заявление в ЗАГС, девушка была беременной. Но...

– Хватит. Хочу спросить тебя кое о чем. Зачем ты подседа ко мне тогда, в баре? – резко спросил Евгений. – Там были еще люди, но ты села ко мне. Потому что я был в мотоциклетной куртке? Думала, я приму тебя за своего? На тебе эта косуха болтается, как тряпка, видно, что ты не привыкла так одеваться. Значит, это просто маскарад? И история про мужика, который тебя бросил, – ложь?

Шанита рассмеялась.

– Ты чего так возбудился, ковбой?

Мимо пронесся указатель с надписью «ДЕР. РОВНЕНО», и она перестала улыбаться. Лицо приняло напряженно-сосредоточенное выражение.

– Какого черта тебе нужно? – сквозь зубы спросил Евгений.

Шанита ничего не ответила. Чуть отстранившись от спины мужчины, она сунула руку в карман, вытащив некий продолговатый предмет.

Золотарев был растерян и разъярен одновременно.

Кто эта сучка с лошадиной рожей?! Шизанутая родствен-

ница того самого парня? Ангел возмездия?

Ведь прошло столько лет, и эту темную, дурно пахнущую историю он давно похоронил в своем сознании, затоптал в грязь, а сверху натаскал бетонных плит, залив все это гудроном! Все, не было ничего!!

«Как быть? – лихорадочно размышлял он. – Разобраться с ней здесь или везти к Молчуну?»

После непродолжительного обдумывания он принял решение остановиться. Он не повезет на вечеринку эту чокнутую шмару, не нужно этого. Хватит ему одной из Мальвин...

Выжав сцепление, он переключился на пониженную передачу, начав сбавлять скорость. Однако, как только мотоцикл стал притормаживать, Евгений внезапно почувствовал резкий удар в правый бок. Тело ужалила острая боль, и он вскрикнул.

– Не смей останавливаться, – процедила Шанита. Она вынула нож из продырявленной куртки байкера. С узкого лезвия сорвалась алая капля крови, которую мгновенно унес ветер. – Иначе в следующий раз я достану до твоего сердца.

– Зачем... ты делаешь это?! – выдавил Евгений. Раненый бок пламенел, медленно набухая горячей кровью.

– Я хотела задать тебе вопрос, Айболит, – шепотом произнесла Шанита. – Можно ли пересадить человеку память? И душу?

– Дим Димыч!

Официант обернулся, нервно улыбнувшись, затем торопливо приблизился к столику, за которым, развалившись, сидела пресловутая троица.

– Дим Димыч, еще графинчик беленькой, – заплетающимся языком попросил один из них. У него были жидкие светлые волосы и угреватый подбородок.

– Да, сейчас будет. Это, ребята...

Толстяк, с мрачным видом потиравший костяшки пальцев, уставился на официанта налитыми кровью глазами:

– Че еще? Уж хоть ты нам сегодня не будешь настроение портить?

– Нет. Но я прошу вас быть поаккуратнее, парни, – тихо сказал официант. – На стоянке есть камеры. Я все видел. И хотя я на вашей стороне, зачем нам лишние проблемы?

– А нет никаких проблем, – ухмыльнулся третий молодой человек, демонстрируя брешь в зубах. Лицо желтовато-болезненное, пальцы покрыты блекло-синими перстнями, выдавая в нем уголовника. – Ты просто нам бухач носи, Дим Димыч. Этот клоун сам нарвался на пистон. Зато быстрее ехать будет.

– И еще просьба, – помявшись, сказал официант. – Называйте меня просто Дмитрий, хорошо? Здесь много народу,

не очень удобно получается.

– Неудобно гланды через задницу удалять, – подмигнул ему «зэк». – Ты же нас не первый день знаешь, Дим Димыч.

Лицо официанта слегка побледнело.

– Ребята... – начал было он, но толстяк его перебил:

– Ладно, Дима. Неси водку.

Официант ушел, и «зэк» посмотрел на хмурого приятеля:

– Серег, а ты че сопли развесил? Все в ажуре! Или тебе совестно, что ты насовал по щам тому пидормоту? Старик Тайсон похлопал бы тебе в ладошки!

Сергей внимательно рассматривал крошечную ссадину на мизинце.

– Знаешь что, Паша... Я просто ненавижу таких уродов, – с ненавистью процедил он, убирая руку. – Педик хренов. Замотался в кожу, как в порнухе садо-мазо... Понтов на рубль, а внутри пустышка, как голая скорлупа. Если ты такой крутой и бабла у тебя хоть жопой жри, катись тогда в ресторан! Фигли, в наш скромный кабачок приперся? И эта... шлюха мордастая. Бля буду, пацаны, я ее тут видел в прошлую пятницу. Как будто вынюхивала что-то...

– Да и хер с ней, – пьяно икнув, произнес блондин. – Че ты к ним прицепился, Серег?

Толстяк невидяще смотрел в окно. На то самое место, где полчаса назад он сшиб с ног этого пижонистого слюнтяя в дорогой куртке. Он не мог понять причину, по которой его настроение резко скатилось вниз, будто старая покрыв-

ка грохнулась в яму. Вроде в той маленькой заварушке он показал себя просто зашибись и в глазах пацанов стопудово выглядел героем. Но факт оставался фактом – где-то глубоко внутри ширилась и разрасталась ледяная пустошь, и ему вдруг захотелось одного – послать все к чертовой матери и поскорее свалить домой.

А еще ему стало жарко, и на лбу выступили крупные капли пота.

* * *

– Примерно через пару километров будет съезд направо, там увидишь дорогу из щебня, – сказала Шанита, вновь приклоняя нож к телу Евгения. – Если ты проедешь мимо, я сделаю в тебе вторую дырку. Ты не умрешь, но это будет больно. Я тоже кое-что смыслю в анатомии, Айболит. Веришь мне?

– Верю, – кислым голосом отозвался Золотарев. Не удержавшись, он добавил: – Как хорошо у тебя получилось втереться ко мне в доверие. Прямо шпион экстра-класса, Штирлиц нервно курит.

– Избавь меня от дешевой лести. Не забывай, что это *ты* предложил мне составить тебе компанию, а не я, – парировала Шанита. – И сбрось скорость, иначе мы не впишемся в поворот.

– Не учи меня, – огрызнулся Евгений.

– А куртка-то у тебя дерьмо, – ехидно улыбнулась Шани-

та. – Только с виду крутая, а нож входит как в масло. Наверное, с такой же легкостью ты вогнал скальпель в моего Славу, выковыривая у него почку.

– О чем ты? – злобно спросил Золотарев. – Какая почка, какой такой Слава?! Ты там сзади колес, что ли, наглоталась, пока мы ехали?!

– У тебя плохо получается изображать удивление, – спокойно произнесла Шанита. – Хватит валять дурака. Я не вижу твоего лица, но твой голос дрожит. Ты напуган, что все вскрылось. Конечно, прошло столько времени... Это у моего Славы ты вырезал тогда почку. Кстати, твоя дочь знает, какой ценой ты спас ее жизнь? Как там ее... Анжелика? Красивое имя. Прямо как в старых английских фильмах.

При упоминании имени дочери Евгений вздрогнул. Впрочем, он быстро взял себя в руки:

– Послушай, детка...

– Я тебе не детка, – качнула головой Шанита.

– Хорошо, – послушно проговорил Евгений. – Ты ведь села ко мне не затем, чтобы зарезать, верно? Что ты собираешься делать?

– Всему свое время. Притормаживай, вон съезд.

Золотарев засмеялся лающим смехом:

– А что, если я, наоборот, прибавлю газу? А еще я могу выпустить руль. Даже если ты успеешь в меня вогнуть нож, тебе крышка и ты размажешься по асфальту, как блин. Что скажешь? Это входит в твой план?

– Не думаю, что ты согласишься пойти на такой смелый эксперимент, – мягко проговорила Шанита. Короткое движение – и лезвие вновь погрузилось в куртку байкера. С легкостью прорвав толстую кожу и дорогую шелковую рубашку, стальное жало на пару сантиметров вошло в плоть. Из раны вновь потекла кровь.

– Прекращай, сука! – взвыл Евгений. От неожиданности и новой волны боли он крутанул руль влево, и тяжелый байк вынесло на встречную полосу. Если бы им навстречу мчался какой-нибудь автомобиль, авария была бы неизбежна, но, к счастью, трасса была пустынной.

– Останавливайся, – приказала Шанита.

«Индиан» вернулся на свою полосу движения, притормаживая. Справа узкой полосой светлела неровная дорога. Как и говорила Шанита, она была усыпана щебнем, и сразу за ней начиналось бескрайнее поле. Мотоцикл мигнул правым поворотником и осторожно съехал на тропу. Щебенка захрустела под широкими покрышками «Индиана».

– Куда мы едем? – глухо спросил Золотарев.

Шанита хихикнула:

– Наконец-то первый дельный вопрос. Только постановка немного неверная. Куда я еду, так будет правильной. Ты уже ничего не решаешь, доктор Айболит. Свой ресурс ты выработал. А я еду на операцию. Только теперь роли поменялись. Я врач, ты – больной. Причем *безнадежный* больной.

Евгений хрипло закашлялся.

– Так, ладно. Значит, этот парень Слава – твой друг?

– Ты слышал первую серию фильма, – напомнила Шанита. – Не строй из себя идиота. Уж что-что, а мозги у тебя есть.

– Может, мы договоримся? – вкрадчивым голосом предложил Золотарев. – Я готов выплатить компенсацию. У меня мобильный банк. Назови мне номер своей карты, и через минуту я переведу на твой счет деньги. Как насчет, скажем, десяти тысяч долларов?

Шанита рассмеялась, и он осекся, умолкнув.

– Договоримся? Твоя подруга, которую ты с таким нетерпением сегодня ждал, тоже мне предлагала договориться, – отсмеявшись, сказала она. – Это ведь я тебе прислала сообщение с ее телефона.

– Ты врешь, – не поверил Евгений.

– Нет, это правда. Хорошенькая девочка. Правда, глупая, как пробка.

– Что ты с ней сделала?

Шанита снова засмеялась, и от этого мертвого, лязгающего смеха, напоминающего скрежет мятых труб по асфальту, у Золотарева по коже пошел мороз.

– Тебе будет неприятно узнать подробности нашей встречи, – сказала она.

– Ладно, – сдался Евгений. – Не хочешь отступных – звони в полицию. Пусть все будет по закону. Не забывай, что за самосуд тоже придется ответить. Убьешь меня – сама сядешь, и не на один год.

– Обращаться в полицию нет смысла. Прошли все сроки давности, я знакома с уголовным кодексом, – ухмыльнулась Шанита. – Тебе ничего не сделают, в худшем случае только пальчиком погрозят. Проблема в том, что о твоём преступлении знаем только мы с тобой. Кстати, почему ты не спрашиваешь, как я узнала о том, что ты сделал?

Золотарев угрюмо молчал, и она вновь заговорила, не дожидаясь ответа:

– Дарья Фолина, твоя помощница, санитарка. Которую ты трахал и платил деньги за информацию о будущих донорах. К слову, она тебе ассистировала на той самой операции.

– Она умерла, – отозвался Евгений. – Покончила с собой. Оставь ее в покое.

– Я знаю, она вскрыла себе вены, – кивнула Шанита. – Приоткрою тебе тайну – мне пришлось помочь ей в этом непростом решении. А перед смертью она мне рассказала много интересного. Когда к глазам человека подносят спицу, он становится весьма разговорчивым.

– Ты спятила, – дрогнувшим голосом проговорил Золотарев. – Я не верю тебе.

– Да мне плевать, во что ты веришь, – весело сказала она.

– Давай остановимся и поговорим нормально.

– Знаешь, что у меня в рюкзаке? – тихо спросила Шанита, даже не обратив внимания на предложение Евгения. – В мыльнице лежат пальцы ног твоей подружки, все десять штук. Из них можно сделать бусы или браслет. А в пласти-

ковой бутылке со спиртом – язык, нос и уши. Кстати, в ушах даже остались ее сережки. Я просто забыла их вынуть. Вообще-то я планировала срезать с лица Нади кожу, но она постоянно рвалась, и я бросила это дело, только в крови перепачкалась. Но знаешь, что самое удивительное? Она еще жива. Лежит у меня в ванной, связанная и истекающая кровью. Ты ведь примерно то же самое намеревался сделать с ней сегодня ночью на даче? Вместе со своими приятелями-садистами?!

– Хватит! – завизжал Евгений, и байк снова опасно завизжал, словно полностью разделяя нервное состояние своего хозяина. – Ничего этого не было! Ты специально придумала, сумасшедшая сука!!

Шанита осторожно просунула красный от крови нож между шлемом и воротником косухи Евгения. Когда острое лезвие коснулось шеи, он отрывисто вздохнул.

– Что ты чувствуешь? – шепотом проговорила она. – Что ты чувствуешь, когда от смерти тебя отделяет всего пара миллиметров? Пара миллиметров и доли секунды?

– Не надо, – всхлипнул Золотарев. – Убери нож. Прошу тебя. Я все сделаю.

– Нет. Это я все сделаю, – ласково поправила его Шанита. – У меня с собой набор скальпелей. Еще я взяла кусачки и молоток. Еще есть терка, совсем новая. Знаешь, что за несколько минут человеку можно содрать лицо? У меня есть перчатки, так что я справлюсь. А, про паяльную лампу за-

была. Мы не должны допустить лишнюю кровопотерю. Так, Айболит? Ведь так тебя принято называть среди таких же психов?! Куда ты сегодня наострил лыжи?!

Она услышала, как Евгений снова издал хлюпающий звук.

Гравийка закончилась, и теперь мотоцикл медленно катился по бетонным плитам. Из-за неровных стыков байк постоянно подскакивал, и Шанита убрала нож. Рука могла дрогнуть на ухабах, а в ее планы не входило ранение хирурга в шею – оно могло бы оказаться фатальным.

– Да. Такие дела, дядя Женя, – с печалью промолвила она. – Я знаю о тебе все. Сегодня вечером тебе был нужен биоматериал для извращенской вечеринки. Но твоя подруга сошла с дистанции, и взамен ее появилась я. Ты быстро сообразил, что вместо Нади вполне могу подойти и я. Действительно, какая разница, кому высверливать влагалище, твоей подруге или мне?

– Пожалуйста...

– Сегодня вечером ты сдохнешь в мучениях, – оборвала его Шанита. – Помнишь, как сказали в каком-то ужастике? «И о твоих муках даже в аду будут слагать легенды...»

Свет от каплеобразной фары «Индиана» ярко-желтым ланцетом рассекал пелену сгущавшихся сумерек. Впереди снова замаячил лес, ошетилившийся громадными елями, – черный, молчаливо-угрюмый, от которого даже за сотни метров сквозило холодом и тревогой.

Вскоре бетонные плиты закончились, и теперь мотоцикл

мягко катил по лесной дороге.

– Шанита, – жалобно пискнул Золотарев, тут же почувствовав, как лезвие царапнуло беззащитную шею.

– Тссс, дядя Женя. Просто смотри вперед, – сказала она и безжизненно улыбнулась.

* * *

В то время как «Индиан» все дальше и дальше углублялся в лесные дебри, кутеж в придорожном кафе, из которого уже почти три часа не вылазила троица, продолжался.

– ... и это... там, в общем, две мокрощелки было, Тани-Мани всякие, я их погонял уже и не помню... Потом прикандыбал Митрич с двумя коробками шмали, и мы еще раскумарились в придачу...

Голос Паши напоминал густую липкую патоку, она лениво сочилась и растекалась в пространстве, заполняя каждый квадратный сантиметр душного бара, и толстяк вымученно скрипнул зубами.

Когда история бывшего уголовника, обильно сдобренная «вощем-та», «это самое» и «типа», а также жаргонными словечками закончилась, блондин по имени Сева громко заржал, запрокинув голову.

Сергей зажмурился. Сиплое дыхание со свистом вырывалось изо рта, как воздух из продырявленной шины.

– Серж, ты че-то совсем скис, – озабоченно произнес Па-

вел. Он вытащил сигарету из помятой пачки, привычным движением сунув ее в пустую дырку, там, где когда-то был зуб.

– Нормуль, – выдавил Сергей. Он вытер блестящий от пота лоб и заторможенно посмотрел на приятелей, словно видел их впервые в жизни: – Жарко здесь, пацаны. Прямо, мля, как в парилке.

Павел обменялся с блондином удивленными взглядами. Никто из них не ощущал духоты, так как окна заведения были открыты и температура внутри бара была вполне комфортная.

– Пошли проветримся, – предложил Паша, вертя в руках зажигалку, но толстяк пьяно замотал головой:

– Не. Мутит меня. Я лучше посижу, и все пройдет.

Бывший зэк пожал плечами.

– Ну, как знаешь, – не стал настаивать он.

Сергей хрипло вздохнул. Spина взмокла настолько, что футболку можно было выжимать, под мышками образовались громадные полукружья пота.

Ему становилось все хуже и хуже. Шею, казалось, сдавливала невидимая петля, намертво вгрызаясь в кожу, и с каждой минутой она затягивалась только туже. Сердце учащенно колотилось, словно игла в швейной машинке, и Сергею чудилось, что с каждым стуком этот трепыхающийся гребаный мешочек с трубочками внутри его распылял по его измученному телу серную кислоту, которая заживо разъедала

его изнутри.

Моргая, он посмотрел на свои пухлые руки. Ему показалось, что вены вспучились, медленно извиваясь, как толстые ленивые черви. Кисти горели, как если бы под кожу напихали тлеющих углей.

«Еперный театр, – подумал он, лоя языком едкую каплю пота, шлепнувшуюся с носа. – Там внутри не кровь, а ядреная срань, как в вулкане...»

Липкая духота нависала со всех сторон ноздревато-гадостной пеной, сводя с ума. Хотелось сорвать с себя одежду и остаться совершенно голым, но краем воспаленного сознания Сергей понимал, что и это не спасет.

«Впитаться в кожу ногтями... содрать ее до мяса, добраться до чертового зуда...»

Толстяк испугался своих мыслей и туманно посмотрел на мизинец. Там, где краснела едва заметная ссадина. Багровая точка внезапно расцвела ярко-алой розой.

Сергей потрясенно разинул рот. На его глазах распускающаяся лепестки роза постепенно преображалась в тусклый гноющийся глаз. И этот глаз подмигнул остолбеневшему парню, роняя на пол вязкие кляксы гноя. От гадостного клейстера курились струйки тошнотворной вони.

– Твою мать! – заорал он, вскакивая с места. – Б... дь!!!

Сергей остервенело стиснул пальцы в кулаки. Он тяжело дышал, с присвистом, пытаясь привести свои мысли в порядок. Но какой там, в задницу, порядок, когда из собственно-

го мизинца на тебя тарашится чей-то выпученный глаз, слезящийся липкой дрянью?!

Левой рукой молодой человек случайно задел кружку с остатками выдохшегося пива, и та, совершив неуклюжий кульбит, полетела на пол. Послышался звон стекла.

– Серега? Серега, ты чего?!

Он поднял трясущуюся голову. Приятели с тревогой смотрели на него, Паша даже вынул сигарету из щербатого рта. Немногочисленные посетители бара тоже удивленно повернули головы в его сторону.

– Херово мне, пацаны, – прохрипел Сергей. Он медленно опустил глаза и, глубоко вздохнув, разжал пальцы.

Никаких роз и чертовых глаз. На ладонях – белые вмятины-полумесяцы от толстых ногтей. И маленькая ранка на мизинце.

Обычная ссадина, вернее даже не ссадина, а малюсенькая точечка, как от иголки, размером даже меньше спичечной головки.

«Что за хрень? – в ужасе подумал толстяк. – У меня глюки?!»

– Я... в сортир, – едва ворочая языком, промычал он, и друзья молча закивали. Казалось, они даже были рады, что тот их покинет на какое-то время.

С трудом подволакивая ватные ноги и спотыкаясь на каждом шагу, Сергей двинулся к кабинке, над которой поблескивала латунью табличка «WC» с изображенным под ней си-

луэтом писающего мальчика.

Распахнув дверь, он шагнул вперед, без сил остановившись у раковины.

– Я... сейчас сполосну... морду, – медленно прокряхтел толстяк. – И все... все будет зашибись.

Он не узнавал свой голос, булькающий, лишенный смысла и совершенно бесцветный – слова выплескивались из его рта, словно жидкая слякоть. Непослушными пальцами Сергей с трудом открыл кран с холодной водой и сунул лицо под тугую струю.

На мгновение ему стало лучше, и это немного успокоило.

«Я просто сожрал что-то не то, – твердил он сам себе. – Сейчас... сейчас все пройдет».

Мысль о том, что его приятели Паша с Севой заказывали себе точно такую же закуску, но они, в отличие от него, в полном порядке, в то время как с ним происходила совершеннейшая дичь, он гнал прочь.

«Это все от дырочки на мизинце, – внезапно шепнул чужой голос. – Тот странный мужик на байке... Он оцарапал тебя».

Сергей испуганно вздрогнул.

Поднял внезапно потяжелевшую голову, со страхом глядя на собственное отражение. От увиденного ему стало дурно, а по ногам побежала горячая струйка мочи.

Из зеркала на него пялилось чье-то чужое распухшее лицо, без волос, бровей и ресниц. Глаза и рот существа были

намертво сшиты толстыми нитками, из швов торопливо чертили узенькие тропинки кровавые дорожки.

Сергей закрыл лицо руками и истошно завопил, пятясь назад. Из орущего рта поползли хлопья пены, и он начал захлебываться собственной рвотой.

Дверь в кабинку была открыта, и парень, налетев на унитаз, потерял равновесие. С глухим стуком он упал на кафельный пол, в глазах что-то, затрещав, вспыхнуло, после чего Сергей окунулся в кромешную тьму.

– Че-то он долго, – сказал Павел, с беспокойством поглядывая в сторону туалета.

Возле столика остановился официант.

– По-моему, вам пора, ребята, – сказал он, уже не скрывая своего недовольства. – Мы скоро закрываемся. Если вашему другу плохо, я могу вызвать такси.

– Не надо, – поморщился Сева.

– Я пойду проверю, че там с Серегой. Совсем пацан закис, – сказал Павел. Он вышел из-за стола и, пошатываясь, направился к туалету.

Он вышел оттуда очень быстро, с белым, как мел, лицом, в глазах застыл непередаваемый ужас.

– Все, – пролепетал Павел. – Нету Сереги. Лежит на полу он, синий весь... «Скорую», наверное, надо, только...

Договорить он не успел, так как его вырвало.

Как только мотоцикл въехал в лес, путников мгновенно окутало стылое покрывало ночи. Пронзительный свет фары нервно выхватывал из лесной тьмы корявые сучья многолетних деревьев, которые нависали прямо над головами седоков. Некоторые из них с тихим шорохом царапали шлемы, будто пытаясь схватить и увлечь в глухую чашу.

– У меня для тебя две новости, – нарушил паузу Евгений. – Позволишь?

– Ну?

– Мой мотоцикл не приспособлен для поездок по бездорожью. Рано или поздно байк может влететь в какую-нибудь яму или заезженную колею. Судя по всему, тут когда-то проезжал трактор, дорога вся разбита. Мы просто встанем, и все.

– А что во-вторых? – равнодушно спросила Шанита.

– Во-вторых, у меня заканчивается бензин.

Словно в подтверждение только что произнесенных слов «Индиан» фыркнул и чуть снизил скорость.

– Не пытайся меня обмануть, – сказала женщина. – Я не поверю, что ты отправился на вечеринку с незаполненным баком.

– Я думал заправиться по дороге, – ответил Золотарев. – Если бы, конечно, не ты.

– Заткнись и следи за дорогой.

– Нет тут никакой дороги! – неожиданно взревел он, и Шанита поморщилась – от истеричного вопля мужчины встроенные в шлем динамики даже завибрировали. – Тут полная жопа, и мы едем в никуда!!! Убери нож, и давай просто поговорим!!!

Шанита молчала, и через некоторое время Евгений вновь подал голос:

– Тридцать тысяч долларов. И мы никогда не видели друг друга.

– Меня не интересуют деньги, – презрительно откликнулась она. – Я думала, ты уже догадался.

– Чудесно, – бросил Евгений, и, к изумлению Шаниты, мотоцикл неожиданно рванул вперед. Она ухватилась левой рукой за воротник байкера.

– Я так поняла, ты решил умереть прямо на дороге? Что ж, это твой выбор.

– Лучше сдохнуть в седле, чем обоссанным, со стесанной теркой мордой, – хрипло огрызнулся Золотарев.

«Индиан» подскочил на толстом корне, торчащем из земли.

По ноге Шаниты больно ударила ветка, и она коротко взмахнула ножом.

Однако удара не последовало.

Вместо этого раздался разъяренный крик Евгения, и земля внезапно ушла из-под колес мотоцикла. Потеряв управление, массивный двухколесный байк завис в воздухе. Это

продолжалось тысячные доли секунды, но Золотареву они показались столетиями. Тяжело кувыркнувшись, «Индиан» с грохотом упал на дно глубокого врага, поднимая вверх облачко трухи и пыли. Рыкнув в последний раз, мощный двигатель заглох.

Шанита, наоборот, даже не успела испугаться, она лишь крепко зажмурилась. Приземление было неудачным – правую ногу обожгла хлесткая боль, и женщина подумала о киятке, который случайно попадает на кожу. Раздался хруст сломанной кости, и она вскрикнула, катясь куда-то в темную пропасть.

«О боже... если я умру, пусть этот выродок умрет вместе со мной», – прошелестели в ее мозгу обрывки мыслей.

С гулким стуком ее голова ударилась о громадный камень. И хотя шлем в значительной степени смягчил удар, женщина потеряла сознание.

Евгению повезло больше. Вылетев из седла, он перевернулся в воздухе и упал на склон оврага, поросший редким кустариком. После этого он скатился вниз к ручью, ударившись головой об камень, как и Шанита. С хрустом треснул визор, и Евгений в ужасе закрыл глаза, ожидая, что его лицо вот-вот расплющит о какую-нибудь зазубренную глыбу, но все обошлось. Золотарев осторожно пошевелил пальцами рук, согнул их в суставах, затем то же самое проделал с ногами и с удовлетворением пришел к выводу, что отделался лишь легким вывихом руки и ушибом бедра.

Все могло быть гораздо хуже.

«Да, только не забывай о тех дырках, что натыкала во мне эта чертова кобыла», – с нарастающей яростью подумал он. Нужно заняться ранами. Но прежде он должен убедиться, что эта обезумевшая сука больше не представляет для него опасности.

Тяжело дыша, несколько секунд он просто лежал на спине, уставившись в чернильное небо, усыпанное хрусталиками звезд.

В лесу царила звенящая тишина, которую нарушало лишь робкое журчание ручья на дне оврага. Вскоре в прохладном воздухе леса поплыл запах бензина – при падении бак «Индиана» был пробит острым каменным выступом.

– Е... я манда, – прошипел Золотарев. Кряхтя, он поднялся на ноги и снял шлем. Поглядев на него как на заклятого врага, он со злостью швырнул его на камни. Осколки визора брызнули в стороны, шлем, отскочив от поросшей мхом глыбы, словно мячик, закатился в ручей, почти полностью погрузившись на дно.

Несмотря на падение, аккумулятор в мотоцикле не получил серьезных повреждений, и фара с габаритными огнями продолжали гореть.

Повертев головой по сторонам, Евгений увидел Шаниту. Ее скрюченно-застывшее тело лежало в нескольких метрах от мотоцикла. Он ухмыльнулся и, подволакивая ушибленную ногу, двинулся к ней. Присев на корточки, Золотарев

снял с бесчувственной женщины шлем и коснулся пальцами ее шеи.

– Пульс есть, – с удовлетворением отметил он. – Живучая, гнида.

Евгений выпрямился и, намотав на кулак разметавшиеся волосы Шаниты, поволок ее прямо по камням в сторону мотоцикла. Швырнул обмякшее тело в бледно-желтое пятно, высвечиваемое фарой.

– Знаешь, во сколько мне обошелся этот байк, старая вешалка? – спросил он, пнув Шаниту ногой, обутой в мотоциклетный ботинок. – Почти два ляма. Тебе пришлось бы всю жизнь сосать на трассе, чтобы собрать хотя бы четверть суммы.

Шанита застонала, с трудом переворачиваясь на другой бок. Приглядевшись повнимательней, Евгений увидел торчавший из ее колена огрызок кости. Рваные джинсы женщины потемнели от сочащейся крови.

«У нее открытый перелом», – подумал он, испытав ни с чем не сравнимое сладостное злорадство.

– Ну что, селедка?! – скрипуче засмеялся Золотарев, наступив ботинком на сломанную ногу Шаниты. Невыносимая боль заставила ее быстро очнуться, и промозглую тьму разорвал пронзительный крик.

– Кажется, так тебя назвал тот пьяный толстяк? По-моему, очень подходяще. Я жажду услышать, что ты планировала сделать со мной, – сказал Евгений, подмигивая корчившейся

на земле женщине. – Что ты там пела про скальпели, терку и прочее дерьмо? А?

Продолжая посмеиваться, он шагнул к попутчице, грубо сорвав с нее рюкзак. Расстегнув молнию, Золотарев бесцеремонно вывалил все его содержимое на каменистую поверхность оврага.

Никаких скальпелей, кусачек, молотка там не было.

На земле валялись свитер-толстовка с капюшоном, какая-то потрепанная книга, литровая пластиковая бутылка с остатками прозрачной жидкости, ополовиненная пачка сигарет «Уинстон», яблоко и упаковка влажных салфеток. Евгений поддал ногой по яблоку, и фрукт улетел в ручей.

– Я, собственно, в этом не сомневался, – важно изрек он. Со стороны казалось, что он даже несколько разочарован увиденным. С презрительным видом Золотарев плюнул на сваленные вещи, затем поднял в воздух бутылку с жидкостью, прищурившись:

– Ты сказала, что там нос и уши моей подружки. Обманула, значит.

– Обманула, – эхом откликнулась Шанита. – Это просто минералка. Без газа, – добавила она, как будто это имело какое-то значение. Справившись с приступом жуткой боли в искореженной ноге, она не без труда села, упершись ладонями в камни. – Твоя Надя в полном порядке.

– Правда? А как же гребаное смс, которое я получил в том кабаке? Мол, сегодня ничего не выйдет?

– Я встречалась с ней и объяснила, что мне от тебя нужно. Она мне поверила, и я взяла на время ее сим-карту. Так что ты больше ее никогда не увидишь.

Евгений удивленно уставился на Шаниту:

– Не слишком ли смелое заявление, селедка? Вот по тебе я могу дать стопроцентный прогноз. Сегодня ночью ты сдохнешь. Или ты будешь возражать? Хочешь, поспорим?

– Я это знаю, – совершенно спокойно ответила женщина. – Но я заберу тебя с собой.

Золотарев расхохотался.

– Мне всегда нравились оптимисты, а также люди с чувством юмора! – воскликнул он, резко оборвав смех. – Вот гляжу я на тебя и не пойму, ты и правда конченная дура? Или притворяешься?

Он отфутболил бутылку с водой, и та, описав полукруг в холодном воздухе, упала на камни.

– Значит, пытаться меня ты не собиралась, – подвел итог Евгений, на всякий случай еще раз разворошив нехитрые пожитки Шаниты. – Как же ты собиралась осуществить свою месть, детка? Затрахать меня до смерти?

Он поднял книгу.

– Ого. Достоевский, «Преступление и наказание». Любишь русскую классику? Или морально настраивалась на нашу встречу?

Шанита ничего не ответила.

Евгений брезгливо бросил книгу, затем сунул руку во

внутренний в карман, извлекая смартфон. Нахмурился, увидев паутину трещин на темном экране. Провел пальцем, пытаясь оживить гаджет, но тот оставался глухим к манипуляциям байкера.

– Еще и телефон сломала, сучка, – резюмировал Золотарев, переведя взор на Шаниту. – Путешествие с тобой выходит в копейчку. Слышишь меня?

– Бедненький и разнесчастненький, разорили тебя.

Наклонившись, Шанита молча разглядывала распухшее колено, из которого торчал белеющий осколок кости.

Осмотревшись, Евгений нагнулся, поднимая с земли нож. Тот самый, которым его ранила женщина. Узкое лезвие было выпачкано запекшейся кровью, костяная рукоятка вырезана в виде звериной морды.

– Ага. Значит, этой ковырялкой ты меня тыкала всю дорогу, – заключил Золотарев. Он бросил нож в ледяной ручей и вновь повернулся к ней:

– Я правильно понял, что Надя жива?

– Я же сказала. Я ее и пальцем не тронула, – ответила Шанита.

– А что с моей ассистенткой? Я о Даше Фолиной. Вроде бы кто-то утверждал про спицы перед глазами? А?

– С твоей медсестрой правда. Фолина ведь знала, на что идет, помогая тебе, – устало произнесла Шанита. – Но я ни в чем не раскаиваюсь.

– Должен тебе сказать, ты была очень убедительна, – при-

знался Евгений. Он скинул с себя куртку, затем, морщась от боли, начал расстегивать рубашку.

– К байку и смартфону плюсуем косуху с рубашкой, – сварливо подсчитывал он. – Знаешь, сколько ты мне должна, селедка? Тебе придется продать все потроха, чтобы рассчитаться со мной. Хотя вряд ли кому-то пригодятся твои прокуренные легкие и испитая печень.

Шанита рассмеялась дребезжащим смехом. Со стороны казалось, что в ведре перекатываются осколки стекла.

– Даже если бы я была здорова, я не смогу продать в России свои органы.

– Нашла кому об этом рассказывать, – фыркнул Золотарев. – Без сопливых знаю. Слушай, теперь я понимаю, что тот пьяный урод на стоянке наверняка был прав, и он видел тебя на прошлой неделе в этой вонючей забегаловке. Ты меня там ждала, да?

Шанита показала ему язык:

– Наконец-то догадался.

Ему наконец удалось снять рубашку, и он подвинулся ближе к свету фары, чтобы разглядеть, насколько опасны раны. Кровь уже не текла, а едва-едва сочилась, и Евгений с облегчением вздохнул, поняв, что повреждения незначительны.

– Еще бы немного, и ты попала бы в печень, – заметил он. Взяв упаковку салфеток среди вещей Шаниты, Евгений вынул оттуда несколько штук и прижал к ране. – Надеюсь, твои тряпки не отравлены?

Шанита усмехнулась.

В лесу холодало, и кожа Золотарева быстро покрылась крупными пупырышками. К тому времени кровотечение почти прекратилось, и он, сопя от натуги, вновь надел рубашку. Выпачканная его собственной застывающей кровью, она неприятно липла к телу, но другого выхода не было. Надевать свитер этой чокнутой суки он не стал бы, даже если бы замерзал насмерть. Так, из принципа.

Снова облачившись в куртку, Евгений направил в сторону Шаниты сложенные вместе указательный и средний пальцы, имитируя дуло пистолета.

– Пук, – писклявым голосом просюсюкал он. – Пук-пук, детка. Ты убита.

Шанита посмотрела на него как на умалишенного.

Лицо Золотарева посерьезнело.

– Это я о тебе, дурочка. Не понимаешь? Я просто показал твой выстрел по мне, врубаешься? Он был холостым. Нужно всегда проверять свое оружие, прежде чем его использовать по назначению. Вместо того чтобы действовать, ты бубнила мне на ухо всякую херню о справедливости и высших материях. При этом испортила мне куртку с рубашкой. У тебя наверняка было много времени на подготовку к этому мероприятию. А ты не придумала ничего лучше, как устроить это идиотство с поездкой в лес.

– И что бы сделал на моем месте ты? – прищурилась Шанита. Ее громадные глаза мерцали в темноте, как прозрач-

ные драгоценные камни.

Губы Евгения растянулись в волчьей ухмылке.

– Да не вопрос. Серная кислота в лицо пойдет? Дешево и сердито. Эффект потрясающий. Помимо сумасшедшей боли и шока, человек, как правило, лишается зрения и получает уродство на всю жизнь.

– Кислота? – переспросила Шанита, словно удивляясь, что подобная мысль никогда не приходила ей в голову раньше. – Нет, дядя Женя. Вы умрете не от кислоты.

– Хм... ты провидица?

– Это неважно.

– Ты права, это неважно, – кивнул Золотарев. Он был немного удивлен и раздражен поведением женщины, так как был уверен, что после случившегося она будет сломлена и начнет умолять его о пощаде. Но эта шизанутая б... дь сидела с абсолютно спокойной и даже довольной физиономией, словно не догадываясь, что жить ей осталось от силы пару минут!

– Важно то, Шанита, что в кофрах моего «железного коня» как раз имеется то, чем ты мне угрожала полчаса назад, – сообщил он, присев на корточки перед опрокинутым мотоциклом. – Скальпели, резак, иглы... Вот только молотка с кусачками нет. Но есть специальные щипцы. Их я использую для выдиранья зубов, ногтей и языка.

Открыв клапан мотоциклетной сумки, он вытащил сверток из мягкой замши. Аккуратно развернул его, несколь-

ко мгновений любуясь тусклым поблескиванием хирургических инструментов. Затем снова залез в кофр, выудив полиэтиленовый пакетик с резиновыми перчатками.

– Я, знаешь ли, люблю стерильность, – сказал он, натягивая их поочередно на руки и расправляя складки на пальцах. – Кто знает, каким ты триппером болеешь?

Немного поразмыслив, Евгений остановил свой выбор на скальпеле.

– Я все равно ничего не понимаю, – признался он. – Зачем этот спектакль? При желании можно было нанять пару мордovorотов, и из меня бы сделали отбивную. Да хоть те самые придурки в кафе. Уверен, заплати им по двести баксов, они не раздумывая разорвали бы меня на части. Чего ты добилась?

– Знаешь, а я чуть не кончила, когда тот парень тебя вырубил, – отозвалась Шанита. – Это было чудесное зрелище. Такой расфуфыренный мажор – и на асфальте с разбитой рожей. Кайф! Знаешь, за это я даже простила ему оплеуху.

Золотарев почесал нос.

– Надо же, какие интересные детали выясняются. Спешу тебя огорчить, больше ты не кончишь. А вот я на тебя кончу, селедка. И не один раз. Кстати, о том утырке на стоянке. По моим расчетам, его труп уже начал остывать.

Шанита недоверчиво покосилась на байкера. Истолковав ее взгляд как немой вопрос, Евгений кивнул:

– Конечно, ты считаешь, что это простое хвастовство

расфуфыренного мажора. Но сейчас-то тебе можно поведать мой секретик. Тем более что никому о нем ты не расскажешь. Смотри!

Он вытянул вперед правую руку, едва не коснувшись носа Шаниты. Из рукава косухи выскользнул темный мешочек чуть больше грецкого ореха. Золотарев незаметно прижал его мизинцем, и наружу вылезла тонкая игла. Когда Евгений убрал палец, игла скрылась в мешочке. Он потрянул рукой, и тот исчез в рукаве.

– Фокус-покус. Мое собственное изобретение, – похвастался он. – Как жало у пчелы, чуешь? Этот жирный боров получил дозу смертельного яда, который парализует нервную систему и вызывает остановку сердца. Нередко это сопровождается галлюцинациями. Вскрытие покажет, что причиной смерти стала сердечная недостаточность. Между прочим, запаса яда хватает на три «укуса». Единственное, есть определенный риск самому быть ужаленным. Но я очень осторожен, детка.

– Это соответствует твоему стилю, – сказала Шанита, криво улыбнувшись.

– Спасибо за комплимент, – просиял Золотарев. – Пожалуй, стоит запатентовать эту штуковину. Назовем его «средство-от-тупорылых-ублюдков-пристающих-к-приличным-людям-в-придорожных-кафе». Как тебе, креативно?

Шанита промолчала.

– Знаешь, Эйнштейн как-то сказал... Мол, вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то же мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме, – медленно произнес Евгений. – Понимаешь? Этим мы с тобой и отличаемся. Этот тупой урод на стоянке разинул на меня пасть. Сейчас его коченеющий труп везут в морг. Он наверняка не понял, что вообще с ним произошло. Полагаю, что и обо мне он давно забыл. Но я удовлетворен – одной падалью меньше. Ты тоже хотела отомстить. Но тебе захотелось торжественной обстановки и пафоса. Ты хотела, чтобы я все понял, осознал и, скажем так, прочувствовал твою боль. Ты мечтала насладиться своей властью надо мной. Правильно? Да, романтично. Но что по факту? А в итоге ты села в лужу. И в прямом, и переносном смысле, и теперь пускаешь пердящие пузыри. Поменьше эмоций и больше действий, тогда ты добьешься своей цели. Правда, другой возможности у тебя, увы, уже не будет.

Шанита продолжала хранить глухое молчание.

– Ладно. Перейдем ко второй части Марлезонского балета, – проговорил он, подходя к ней. – У меня к тебе два вопроса, детка. Если твои ответы меня удовлетворят – я убью тебя быстро. Если нет, я буду резать тебя всю ночь. На вечеринку я все равно опоздал, так что у нас с тобой уйма времени.

Шанита улыбнулась, и он нахмурился. Было что-то пугающее в этой улыбке, как будто раздвинулись края гниющей

раны.

– Думаю, ты скоро перестанешь скалиться, – задумчиво произнес Золотарев. Присев на корточки перед Шанитой, он ковырнул скальпелем рану на ее колене. Она скрипнула зубами, побледнев, но не издала ни звука.

– Больно? – с участием осведомился Евгений, глядя на красноватый кончик скальпеля. – Ну, ответь. Я ведь специалист по боли.

– Делай то, что задумал, – сглотнув, произнесла Шанита. Он с неприкрытым восхищением цокнул языком.

– Уважаю сильного противника. Но я ломал и не таких, как ты. Итак, вопрос первый. Что ты знаешь о даче? Ты ведь назвала меня Айболитом. Это слишком закрытая информация, и я ломаю голову, пытаюсь понять, где я дал промашку.

– На этот вопрос я отвечу. Все очень просто, дядя Женя, – усмехнулась Шанита. – Видишь ли, когда что-то очень хочется, считай, проблема наполовину решена. Мне очень хотелось собрать о тебе как можно больше сведений. Конечно, это стоит денег. Мне даже пришлось продать квартиру, чтобы нанять специалистов, а самой переехать в коммуналку. Не поверишь, на что готовы многие люди за деньги. Так что за тобой следили, Айболит. Видели, как ты приезжал к частному домовладению неподалеку отсюда. Туда же съезжались другие люди на дорогих иномарках. С этими людьми были женщины, часто в нетрезвом состоянии и часто неряшливого вида. Ясное дело, подобрать нужно было таких, кого вряд

ли стали бы искать. Но главное не это. Суть в том, что в воскресенье вечером мужчины выходили из дома и разъезжались на своих иномарках по домам. А вот женщины почему-то нет. Спустя какое-то время все повторяется – к дому привозят женщин, и они остаются. Вы их там что, растворяете в кислоте? Или сжигаете? На тебе был жучок, Айболит. И запись твоего разговора во время ваших «развлечений» у меня имеется. Качество, конечно, не фонтан – вы все же в подвале находились, но разобрать слова можно.

– Мало ли что я говорил, – зевнул Евгений.

– Ага. Но только кроме твоего голоса еще слышно, как кричит какая-то девушка. Судя по всему, ты отпиливал ей ноги. Как ты думаешь, у полиции возникнут вопросы, если эта запись окажется у них?

Лицо Золотарева оставалось безучастным.

– Значит, нанятые тобой люди тоже совершили преступление. Они ведь молчат и не сообщают в правоохранительные органы, – рассудительно проговорил он.

Шанита пожала плечами.

– Эти люди не обременены гражданским долгом. Они просто собирали доказательства за очень хорошие деньги. Сейчас эти доказательства у меня.

Евгений вздохнул.

– Меня будут шантажировать?

– Вряд ли, – покачала головой Шанита. – Это люди незаинтересованные. Единственное, что им нужно, – деньги. И

они их от меня получили. И только я буду решать, что делать с компроматом против тебя.

– Ты меня успокоила, – хихикнул Золотарев. – Не хочется, знаешь ли, вздрагивать от каждого телефонного звонка. И все же. Мне нужно все то, что накопили твои ищайки.

И тут Шанита его просто потрясла.

– В кармане моего рюкзака есть ключи от комнаты, – буднично сказала она. – Диск с записью и кое-какие бумаги – все это лежит на нижней полке в угловом шкафу. В черной матовой папке.

– Я обязательно наведаюсь к тебе в гости, – пообещал Золотарев, немного придя в себя. – Вижу, ты напугана, раз так быстро все рассказала. И правильно сделала.

– Я сделала это не потому, что испугалась, – возразила Шанита. – Я тебе это рассказала просто так. Ты все равно не сможешь забрать эту папку.

– Почему? – насторожился Золотарев.

– Потому что ты сдохнешь вместе со мной.

Евгений сплюнул.

– На колу мочало, начинай сначала, – вздохнул он. Вытянул руку, и мешочек со смертельным ядом выскочил наружу, словно чертик из табакерки.

– Я могу заменить скальпель на яд, детка. Хочешь?

Он заметил, как расширились глаза женщины, и самодовольно усмехнулся:

– Боишься? Правильно. Я люблю, когда меня боятся.

Она мотнула головой.

– Я умру не от яда. И я тебя не боюсь. Не забывай, во мне течет цыганская кровь.

– Откуда такая уверенность? Ты все-таки ясновидящая? Тогда скажи, от чего ты умрешь. А я скорректирую твой прогноз, хе-хе.

– Я вижу ослепительную вспышку... и пустоту, – тихо промолвила Шанита.

Евгений засмеялся. Он снова поднял рюкзак женщины, быстро нашел ключи и сунул их в карман.

– Если я тебе сильно врежу по лбу, ты точно увидишь вспышку. Окей, второй вопрос. Что ты хотела-то, в общем-то? Убивать ты меня не собиралась. Куда и зачем мы ехали?

– Мы ехали, чтобы упасть в яму, – холодно сказала Шанита. – Чтобы я сломала ногу. Чтобы ты вытряхнул мой рюкзак, пнул яблоко... Чтобы ты остановил свою кровь, забрал мои ключи и взял в руки скальпель. Неужели ты не понимаешь? Все идет, как задумано. Все предопределено Богом. Началась вторая серия фильма, о котором я тебе рассказывала в дороге.

– Ну-ну, – только и сказал Золотарев. – Обычно так говорят лузеры, чтобы хоть как-то объяснить свои неудачи. С тобой становится скучно.

Он неторопливо обошел женщину, встав у нее за спиной.

– Говоришь, помогла уйти из жизни моей ассистентке?

Насколько я помню, по официальной версии, Даша вскрыла себе вены. Выходит, руки ей искромсала ты?

Шанита кивнула. Длинные черные волосы колыхнулись, почти полностью закрыв ее бледное лицо.

– Ну и чудесно, – расплылся в жестокой улыбке Евгений. – Давай-ка то же самое сделаем с тобой. Снимай куртку, детка.

– Ты не хочешь посмотреть на Славу? – вдруг задала вопрос Шанита. – Может, согласишься в его глаза?

Он поморщился, словно надкусил лимон.

– Кто о чем, а вшивый о бане. Снимай свое тряпье, мне надоело ждать.

Она послушно сняла с себя косуху, аккуратно сложив рядом.

– И майку тоже стаскивай. Давай-давай, нечего пялиться на меня, – поторопил ее Евгений. Видя, что Шанита даже не пошевелилась, он, деловито сопя, принялся распарывать ее футболку скальпелем. Исполосовав ее на лохмотья, он брезгливо бросил бесформенную кучу тряпья в сторону. Затем сорвал с женщины лифчик и, поднеся его к лицу, жадно принюхался. Лизнул теплую, согретую грудью женщины чашечку бюстгалтера и театрально закатил глаза.

– От тебя пахнет яростью, – сказал он, швыряя лифчик в ручей. – Но ты себя очень умело контролируешь. Зачем? Позлись перед смертью. Я же вижу, что ты хочешь растерзать меня в клочья.

Золотарев обошел Шаниту, сев прямо перед ней. Его

взгляд уткнулся в упругие груди, кофейные соски которых дерзко уставились прямо на него. Взор мужчины сместился на измятую фотографию, которую она бережно гладила, словно живое существо.

– Так странно. Фигурка – пальчики оближешь, даже несмотря на твой рост, – он разочарованно щелкнул в воздухе пальцами. – А вот рожей не вышла. Как будто там наверху бородатый старик среди облаков был с бодуна, когда лепил тебя. Просто перепутал упаковки с частями тел.

– Зато ты никогда не ошибаешься, – вздохнула Шанита. – Всегда найдешь подходящую почку или селезенку. Да? Может, все-таки посмотришь в глаза моему любимому?

– Что это изменит? Меня в задницу ударит молния? – безразлично спросил Евгений и, тем не менее, с неохотой покопался на фото. Какой-то тощий дурачок с не менее дурацкой прической. Как сказал бы тот имбецил на стоянке, вылитый «педик».

– Если бы ты не убил его, у нас были бы дети, – мечтательно произнесла Шанита, и по ее бледной щеке скользнула слеза.

– Хватит этих соплей. Вытяни руки, – приказал Золотарев. Его уже начала утомлять эта ситуация.

Она непонимающе глядела на него, и тогда Евгений наклонился, стальной хваткой вцепившись в локоть Шаниты. Рука была теплой и слегка дрожала.

– Это будет очень быстро, – улыбаясь, пообещал Евге-

ний. Блеснувшее в сумерках лезвие скальпеля мягко вошло в плоть. Хирургический нож медленно двинулся вниз к запястью, оставляя за собой страшную расплзающуюся рану. Кровь запузырилась, стремительно вытекая из рассеченных вен, влажно заблестели оголенные мышцы, связки и сухожилия. Запахло металлическими стружками.

– Я мог бы сделать все быстро, – пыхтя, заговорил Золотарев. – Но тогда бы все закончилось в считанные минуты. А я этого не хочу.

Шанита не издала и звука. Она сидела, выпрямив спину с покорно вытянутой рукой, которая постепенно окрашивалась кровью.

– Давай вторую.

Шанита повиновалась и, заглянув в ее уставшие глаза, Евгений почему-то подумал о зомби. Сделав точно такой же разрез на правой руке, он вытащил из слабеющих пальцев женщины замусоленное фото.

– Все это дерьмо, – обронил он, порвав фотографию на части. Обрывки карточки опустились на Шаниту, как осенние листья.

Евгений поднялся на ноги.

– Интересно, как поступила бы на моем месте ты, детка, – сказал он, споласкивая скальпель в ручье. – Не сомневаюсь, что ради своего ребенка ты, не задумываясь, вырвала бы у кого-нибудь сердце.

С ничего не выражающим лицом Шанита разглядывала

руки. Казалось, она слабо понимала суть происходящего, пребывая в наркотическом дурмане. Края кошмарных ран разошлись, обнажая сырую плоть, сочащуюся кровью.

– Это просто инстинкт выживания, – продолжал Евгений. – Я не мог позволить погибнуть своей дочери. Так что все закономерно. Твой парень дал жизнь моему ребенку. Значит, так было предначертано свыше. Так тебе будет легче? А, детка?

– Зачем ты раздел меня? – приглушенно спросила Шанита. – Впрочем... какой смысл задавать такой вопрос садисту и извращенцу.

– Ты права, – подмигнул Золотарев. – Я люблю смотреть на голых баб, из которых капля за каплей вытекает сок, то есть жизнь.

Дрожащими руками Шанита пыталась подобрать с земли обрывки фотографии. Они мгновенно покраснели от крови, но она все равно с ожесточенным упрямством пыталась сложить измятые пазлы в единую картинку.

– Я буду делать все, чтобы я и мои близкие прожили как можно дольше, – разглагольствовал Евгений. – Надеюсь, через несколько лет медицина и трансплантология шагнет намного дальше, и человек сможет менять износившиеся органы, как детали на машине. Лично я рассчитываю прожить порядка ста тридцати лет. При правильном питании и здоровом образе жизни это вполне осуществимо.

– Сядь со мной, – тихо проговорила Шанита.

– Это еще зачем? – удивился он. – Увольте, мадмуазель. Наше свидание подходит к завершению. И вообще, вы не в моем вкусе.

Шанита глубоко вздохнула.

– Садись. И перережь *свои* вены, – прошептала она. – Тогда ты умрешь чистым. Мы уйдем вместе.

Евгений расхохотался, запрокинув голову. Он стоял на дне затхло-холодного оврага со скальпелем в руке, рядом с разбитым мотоциклом стоимостью два миллиона, рядом с истекающей кровью цыганкой и смеялся, и этот смех больше всего смахивал на злобное карканье.

– Я сейчас выйду на трассу, поймаю машину и через пару часов буду дома, под теплым душем, – заговорил он. – А ты останешься в этой вонючей яме кормить червей.

Он плотоядно облизнулся, затем принялся расстегивать ширинку.

– Чуть не забыл. Надеюсь, ты не против? – спросил Золотарев, улыбаясь. Вывалив наружу эрегированный член, он начал остервенело мастурбировать, хрипло и отрывисто дыша. При этом его затуманенный взгляд не отрывался от окровавленных рук Шаниты.

– Мразь, – разлепила она губы, отворачиваясь.

Дыхание Евгения участилось, наконец по телу пошла крупная дрожь, глаза закатились, и он тихо застонал, чуть согнув ноги в коленях. Пенис выстрелил жемчужно-серой струей спермы, заляпав кожаные штаны байкера и руку, ко-

торой он онанировал.

– Мразь, – с ненавистью повторила Шанита.

– В твоих глазах – да, – запыхавшимся голосом проговорил Золотарев. С его лица не сходила блаженная улыбка. Он вытер липкую от спермы руку о штаны, а капли на земле растер ботинком. – А для моей жены и дочки – я самый лучший на свете муж... и папуля. Как ты себя чувствуешь, детка?

– Лучше всех.

Евгений покачал головой.

– Глядя на тебя, этого не скажешь. Думаю, тебе осталось минут пять. Так что если тебе действительно есть что сказать, валяй. Последняя воля и прочее дерьмо.

– Не обольщайся. Я выносливая. И буду умирать долго.

Паузы между предложениями Шаниты стали длиннее, голос слабел, как догорающий огарок свечи.

– А еще я буду сниться тебе. Каждую ночь. Прежде чем ты умрешь.

Улыбка сползла с лица Евгения.

– Ты сумасшедшая.

Шанита раздвинула в ухмылке пепельно-сизые губы. Ей все же удалось сложить обрывки фотографии в целую картинку. Правда, из-за натекшей крови разобрать, что именно было на карточке, было уже невозможно.

– «Ты сумасшедшая», – повторила она за Евгением, – сказал мне выродок, который насилует и издевается над людьми.

– Смени пластинку, детка, – скорчил физиономию Золотарев. – Меня начинает подташнивать от твоего голоса.

Он застегнул молнию на штанах.

– Если честно, мне даже немного жаль тебя. Чего ты в итоге добилась?

С огромным трудом Шанита положила кровоточащие руки на колени. Попыталась пошевелить пальцами, но они отказывались повиноваться командам мозга. Ей было до слез жаль свои пальцы, которые напоминали сейчас бледные щупальца-обрубки. Сквозь багрово-красные разводы просвечивала бледная кожа.

– Поцелуй меня, – хрипло попросила она.

Евгений уставился на нее, как если бы с ним неожиданно заговорил покореженный «Индиан».

– Эка ты даешь, – наконец произнес он с изумлением. – Точно, шизанулась окончательно. Знаешь, детка, если там в баре у меня такие мысли и возникали, то сейчас я лучше поцелую сам себя в жопу.

– Ты не знаешь, как умеют целоваться цыганки, – едва слышно сказала она. Ее обескровленные губы вновь изогнулись в отталкивающей усмешке. – Целуй, пока я теплая.

Евгений упер кулаки в бока.

– Для меня и мертвую бабу трахнуть не вопрос, я это делал неоднократно. Но сейчас ты выглядишь хуже обоссанной бомжихи. Может, я тебя и отшпилю, когда ты очоуришься. А может, и нет.

От обильной кровопотери мутило, сильно кружилась голова, перед глазами все расплывалось, и Шанита, вздохнув, легла. Изуродованные руки безвольно лежали вдоль тела, словно освежаванные тушки зверьков, под ее телом медленно расползлась багряная лужа.

Золотарев быстро потерял интерес к ней. В очередной раз осмотрев разбитый мотоцикл, он плотно сжал губы.

– Один я его наверх не вытащу, – вслух рассуждал он. – Тут и втроем не управиться, значит, придется вызывать спецтехнику. Даже если я перетащу эту чокнутую в другое место, любому идиоту будет ясно, что тут была заварушка. Н-да...

«Можно добраться до Молчуна и вернуться сюда с подкреплением. С помощью троса поднять байк», – подумал он про себя. В задумчивости Евгений потер подбородок.

Молчун наверняка окажет помощь, пусть и не бесплатно, – все же их объединяла не дружба, а клуб по интересам. Довольно специфическим интересам, хе-хе.

Но, как бы то ни было, Евгению уж очень не хотелось впутывать в эту темную историю посторонних людей. Довольно с него этой поездочки...

– Да. Однако, прежде чем попасть к Молчуну, нужно выбраться из этого долбаного леса, – с досадой пробормотал Золотарев. Он остановился у тела Шаниты, с любопытством глядя на ее небольшие, но упругие груди, измазанные кровью. Осторожно наклонившись, он коснулся холодной кожи

женщины. Затем раздвинул веки, хлопнул по щеке. Она не шевелилась.

– А говоришь – выносливая, – фыркнул Евгений. – Быстро ласты склеила.

Низ живота сладко занял, и его вновь охватило неужимое желание. Глубоко вздохнув, он снова расстегнул ширинку.

– Целовать я тебя не стану, детка, – с придыханием сказал он. Его ботинок наступил на залитую красным киселем фотографию, которую Шанита бережно собрала из клочьев. – А вот трахнуть – можно.

Из внутреннего кармана мужчина достал упаковку с презервативами. Дело даже не в том, что он опасался что-либо подцепить. Если эту проשמандовку будут вскрывать (а вероятность этого была очень высокой), Евгению очень бы не хотелось, чтобы в ее дырке нашли следы его выделений.

Он уже почти извлек наружу из глянцевого конвертика эластично-прозрачный кружок, пахнувший ванилью, как его слух уловил едва слышный шорох. Когда Золотарев поднял голову, Шанита была совсем рядом. Мучнисто-восковое лицо с черными дырами вместо глаз смахивало на ледящую маску смерти.

Он оторопел, внутри испуганно трепыхнулось:

«Как?! Она ведь сдохла!!!»

– Всего один поцелуй, Айболит, – прохрипела она, и, прежде чем Евгений успел что-то предпринять, Шанита вце-

пилаась зубами в его нижнюю губу.

Евгений заорал, с силой ударив ее кулаком в висок. Вязко колыхнулись смоляные волосы, нехотя разжались челюсти, и он отпрянул с искаженным от страха и ярости лицом.

– Чертова сука! – брызгая слюной и кровью, завопил он. Вдобавок к свежему укусу содралась корочка с подсохшей ранки – результат умелого хука уже покойного толстяка.

Шанита засмеялась, обводя губы языком. Он был красным от крови, его крови, и это приводило его в неистовство.

– Ты... думал, что... я мертва?

Глаза садиста сверкали испепеляющим бешенством, ноздри по-звериному раздувались, пальцы сами собой скрючились, как если бы уже стискивали шею умирающей.

Эта селедка оказалась живучей. Но у него уже нет времени забавляться с ней, концерт пора сворачивать. Перерезать ей глотку? Или сунуть мордой в ручей и держать ее, пока не захлебнется?!

Внезапно его осенила догадка, и темно-синие глаза мужчины сверкнули:

– Говоришь, вспышку увидела? Я тебе устрою вспышку. Ты себе все правильно нагадала, сука.

Тяжело дыша, Евгений принялся искать пластиковую бутылку, которую он полчаса назад вытряхнул из рюкзака Шаниты и куда-то забросил. Обнаружив ее неподалеку от ручья, он вылил из нее воду, прикинув, что емкости тары будет вполне достаточно для его задумки.

Он направился к мотоциклу.

– У тебя будет самая яркая вспышка, – процедил он, отрывая топливный шланг. Золотарев определил, что, несмотря на пробоину в баке, внутри еще осталось некоторое количество бензина. Сунув шланг в горлышко бутылки, он стал терпеливо ждать, когда она заполнится.

Все это время Шанита продолжала тихо смеяться.

– Добрый доктор. Айболит... – монотонно напевала она. – Он под деревом. Сидит. Но ты не добрый. Кстати. Твоя кровь. Пахнет *мертвечиной*, – сообщила она, сплевывая розовый сгусток.

– Заткнись, шлюха, – не выдержал Евгений. Кровоточащая губа распухла и саднила.

– Иди ко мне, – прошелестела женщина. – Иди. И ложись рядом. Еще есть время.

– Закрой пасть!!! – взревел Золотарев. Бутылка уже была полностью наполнена, и по пальцам побежала горячая жидкость. Она была ледяной, намного холоднее ручья на дне оврага. Выругавшись, он заковылял к Шаните. Она улыбнулась, словно и ждала, когда Евгений с перекошенным от ненависти лицом начал поливать ее бензином.

– Я ведь знала, от чего умру, – Шанита высунула язык, старательно ловя желтовато-прозрачные струйки нефтепродукта. – Я ведь была права.

– Заткнись! – прорычал он. Когда бутылка опустела, он швырнул ее в сторону. – У тебя есть зажигалка, селедка?

Она продолжала широко улыбаться. С открытым переломом ноги, растерзанно-иссеченными руками, истекающая кровью и облитая бензином, она сидела и счастливо улыбалась, словно чувствовала себя как никогда лучше.

Золотарев раздраженно похлопал себя по карманам, затем черты его лица разгладились, и он вновь зашаркал к байку. Поковырявшись в кофрах, он вернулся через минуту с коробком длинных охотничьих спичек.

– Я думаю, это будет весело и красиво, – совершенно спокойным голосом произнес он, подмигивая Шаните. – Хорошо, что я догадался их прихватить на вечеринку.

Пальцы сотрясала мелкая дрожь, и первая спичка сломалась.

– Твою мать...

– Не торопись, – посоветовала она, с усмешкой глядя на своего убийцу. – У тебя. Дрожат руки. Ты же врач. Хирург. Ты не имеешь. Права на ошибку.

– Закрой рот, или я вырву тебе язык, – буркнул Евгений. Вторая спичка тоже сломалась, и он скрипнул зубами, начиная закипать.

Шанита снова засмеялась тихим шелестящим смехом.

Лишь с четвертой попытки спичка была зажжена, и Золотарев издал ликующий вопль, глаза загорелись триумфом.

– Видишь, сука? – торжествующе прокричал он. – Тебе не отвертеться!

– Вижу, – выдохнула Шанита. – Ты проклят, больной

ублюдок. Ты сам себя проклял. Запомни это.

Евгений осклабился.

– Пока, селедка. Жди меня в гости. Лет через сто, в забегаловке под названием «Ад». Приеду на новом байке и снова кончу на тебя.

Тихо шипя, спичка упала на волосы Шаниты, и те мгновенно вспыхнули, как гигантская свечка. Фигура обреченной женщины за доли секунды превратилась в ослепительно-желтый огненный столб.

Золотарев попятился назад, закрывая лицо от нестерпимого жара. Шанита была так близко, что ему чудилось, будто у него потрескивают волосы и ресницы. Внезапно убийца испытал неизъяснимый страх за содеянное, миллионами тончайших иголочек пронзивший его разгоряченную кожу. Он отступал шаг за шагом, глядя сощуренными глазами на человеческий факел, полыхающий нестерпимым жаром. Воздух наполнился зловонием горелой плоти, от Шаниты повалил дым.

Наткнувшись на мотоцикл, Евгений замер, не веря своим глазам – она медленно ползла к нему на четвереньках, издавая кашляющие хрипы. Ползла, оставляя за собой горящие следы, от которых в стылый воздух поднимались дымящиеся струйки.

«Убей ее. Закончи все это», – тяжело колыхнулось внутри, но он был не в силах пошевелиться, с суеверным ужасом пялясь на пожираемую огнем женщину.

– Проклятая б... дь! – визгливо крикнул он, приходя в себя. – Ты что, бессмертна?!

Шанита продолжала упорно тащиться к нему, подволакивая сломанную ногу. Она натужно хрипела, изо рта, рвано-черной дыры, клубились сизые клочья дыма. Волосы сгорели, темнела и маслянисто пузырилась обугливающаяся кожа. Она отслаивалась мертвыми лоскутьями, а остатки джинсов съеживались, вплавливаясь в горящую плоть и тем самым превращаясь в единое багрово-смердящее месиво.

Когда почерневшая рука со скрюченными пальцами коснулась колеса «Индиана», Евгений встряхнулся, словно приходя в себя.

«Она пытается залезть на байк. Это невозможно! Почему она не дышит?!!»

«Поехали, ковбой».

Хрипловатый голос страшной попутчицы пузырьком всплыл в пелене совсем недавних событий.

Отчаянно вскрикнув, Золотарев принялся карабкаться вверх по отлогому склону. Ушибленное бедро злобно стегало болью, как гнилой зуб, но он не обращал на это внимания. И, хотя он уже почти вылез из оврага, ему все еще казалось, что его спину вот-вот хлестнет жаром, исходящим от горячей заживо женщины.

– Это ты проклята, – хрипло выдохнул он, глядя, как полыхает Шанита. Непостижимо, но она все еще была жива, вяло шевеля обугливающимися конечностями. Вскоре почув-

ствовался смрад горелой резины, зачало угольно-горьким дымом, и Евгений, хромя, заторопился прочь. И хотя мотоциклы с машинами взрывались только в кино, он не желал проверять, рванет ли его байк или просто сгорит дотла. Как не желал смотреть на последние секунды жизни Шаниты. Хотя раньше момент наступления смерти вызывал у него восторженные чувства, и даже возбуждение.

«Она сдохла».

Покачиваясь, как пьяный, он ковылял по тропе и убеждал себя, что эта сумасшедшая ведьма давно мертва. Конечно, законы физики и биологии никто не отменял. У этой бабы просто выносливый организм, и все. Ни одно живое существо не способно выжить при такой температуре.

Да, она шевелила руками. Но это легко объясняется – смертные рефлексы... Что-то вроде отрезанных щупальцев у кальмара или хвоста от ящерицы...

Но даже эти аргументы не могли окончательно успокоить Евгения, и ему все время мерещилось, что он слышит шорох и вкрадчиво-тихий смех за спиной.

Он шел, не оборачиваясь.

Тишина пугала. Она липла к нему холодно-влажной простыней, постепенно пеленая, как умаявшегося за день младенца. Было слышно, как шуршат по усыпанной сосновыми иглами и пожухлой листвой тропе подошвы мотоциклетных ботинок. И все. Больше ни единого звука.

Он задрал голову вверх. Чернеющие кроны лесных великанов подпирали густую, словно деготь, ночь. Звезды были похожи на крошечные алмазы-бусины, которые кто-то невидимый старательно вдавливал в пластилиновую мякоть небосвода.

– Скальпель, б... дь, – выдавил неожиданно Евгений. По лицу хлестко ударила ветка, и он вздрогнул, пригнувшись, но тут же продолжил путь.

Конечно, скальпель, мать его.

И не один. Целый набор, едрить его за ногу, остался там, возле байка. А кроме него, крючья, цепь, щипцы... А мотоцикл, к слову, зарегистрирован на него.

Золотарев почувствовал, как к его сердцу, тихо шурша, тянутся чьи-то костляво-морщинистые руки с кривыми когтями. Одно движение – и его жизнь остановится. Во рту появился кислый привкус.

– Я скажу, что мотоцикл у меня угнали, – пробормотал он вслух. – А ножи не мои.

«Тебя видели с ней на стоянке, – возразил внутренний голос. – У тебя порезана куртка, ты ранен. Обугленный труп этой чокнутой дуры найдут рядом с твоим мотоциклом. Огонь не сможет уничтожить номер двигателя, так что на тебя быстро выйдут, пробив по базе данных. Как ты объяснишь скальпели и прочие железки?! Ты хирург и каждый день имеешь дело с инструментами! К тебе будет много неприятных вопросов!»

На лбу мужчины выступили капли ледяного пота.

«Все верно, – со страхом подумал он. – Значит, рано или поздно придется вернуться и забрать байк. Надеюсь, что огонь не распространится дальше оврага. Если загорится лес...»

«А если пламя вырвется наверх?»

При мысли, что Шаните удалось выбраться из ямы, Евгения едва не затрясло. Воображение мгновенно нарисовало ему картину – черное, дымящееся тело сумасшедшей, вопреки всем законам природы, продолжает ползти за ним следом, а из клацающих челюстей вместе с дымом скрежещет:

«Ляг со мной. И ты уйдешь чистым».

– Все будет хорошо, – громко сказал Евгений. Этого ему показалось мало, и он вновь запрокинул голову, словно спеша поделиться своей надеждой с ночной бездной, утыканной стекляшками далеких и прохладных звезд. – Слышите меня, уроды хреновы?! У меня все будет отлично!!!

Небо предпочло не реагировать на этот исступленно-надрывный вопль, а звезды безучастно моргали друг другу, словно затеяв игру в гляделки. Там, наверху, никому не было дела до Золотарева Евгения, блестящего хирурга-трансплантолога, нежного отца и любящего мужа, которого сегодня ночью судьба столкнула с психопаткой, желающей отомстить за смерть любимого. С женщиной, которая отчаянно желала его смерти. Съехавшая с катушек шизофреничка с лошадиной мордой, она ненавидела его какой-то ненормаль-

ной, сверхъестественно-ослепляющей сознание ненавистью, и Евгений каждой порой кожи ощущал, что это чувство живо даже сейчас, после смерти цыганки. Ненависть была запредельной, она буквально резонировала и пульсировала в прозрачном лесном воздухе, будто предвещающая страшную бурю.

И тем не менее она ничего не сделала, чтобы его убить.

«Она попросту не успела, – попытался себя успокоить Евгений. – Все дело в овраге, мне сильно повезло».

«Ты проклят».

ПРОКЛЯТ.

Он вновь и вновь прокручивал в измученном мозгу последнюю фразу Шаниты, пока эти коротенькие два слова не показались ему чем-то пресным и безликим вроде старых, засохших кусочков сухофруктов, которые даже слюной невозможно размочить, и единственное, что можно с ними сделать, – выплюнуть и прополоскать рот.

– Все кончено, – тихо произнес он. – Я забуду этот случай, как того мертвого котенка на двигателе отцовской машины...

«Ты его не забыл, раз говоришь об этом», – напомнил внутренний голос, но Евгений лишь отмахнулся.

Тягуче-расплывчато потекли минуты, и вскоре среди плотной чащи внезапно проклюнулось крохотное пятнышко, чуть светлее окружавшей его мглы. Сердце Золотарева радостно заколотилось. Пройдя еще пару десятков метров, он вышел из леса, едва сдерживая радостный возглас.

Этот лес, едва не превратившийся для него в могилу, сейчас казался мужчине жуткой комнатой с лохмотьями паутины в углах и уродливо-горбатыми тенями на стенах, комнатой, насквозь пропитавшейся детскими страхами, такими несерьезно пресными в глазах взрослых и одновременно беспощадно гибельными и зловещими в неокрепшем сознании самих детей.

И теперь массивная дверь с грохотом захлопнулась, навсегда отсекая его от этой пропахшей тленом и пылью комнаты.

Он на свободе. Еще немного пешей прогулки на свежем воздухе – и он выберется на трассу. И больше никаких безумных тварей за спиной, нашептывающих в его ухо проклятия. Никаких приставленных ножей к боку. Черт с ним, с байком. Он купит себе еще круче, мощнее. А в следующие выходные поедет к Молчуну и оторвется по полной, с лихвой восполнив сегодняшний вынужденный прогул...

Тропа сменилась на бетонные плиты, затем на гравийку, и, наконец, Евгений выбрался на трассу. К тому времени он окончательно выдохся, совершенно не чувствуя под собой ног. Шаркая грязными мотоботами, мужчина брел по шоссе, то и дело с надеждой прислушиваясь – не раздастся ли шум мотора. Однако сонная дорога была абсолютно пустынной. После крутого поворота Евгений на всякий случай выставил левую руку, чтобы водитель выскочившей машины успел его заметить.

Рука быстро уставала, и он периодически поднимал и

опускал ее, как живой шлагбаум, про себя понимая, что на пустом шоссе выглядит как идиот.

Наконец за спиной послышалось долгожданное хриплое рычание двигателя, и Золотарев встрепенулся. Через мгновение тьму прорезали два слепящих глаза-фары. Он поднял руку, но громадная фура, не останавливаясь, с ревом пронеслась мимо. Евгения обдало волной холодного воздуха, в лицо впились колкие песчинки.

«Мудак», – мысленно обругал он равнодушного водителя, одновременно признавая, что едва ли сам бы остановился ночью в этой глуши, чтобы подобрать одинокого попутчика.

В горле запершило, и он закашлялся.

– Это неважно, – сипло проговорил он, как только приступ кашля утих. – Я дойду пешком, ясно?!

Счет времени потерялся, звезды моргали, перешептываясь, они словно делали ставки, выживет ли он этой ночью.

– Добрый доктор... Айболит... Приходи к нему лечиться... И корова...

Сквозь лохмотья туч лениво выглянула луна, мертвый бледно-желтый глаз, будто желая послушать странного пешехода, ковыляющего по спящему шоссе.

– Поехали, ковбой, – шевелил губами Евгений. – Поехали... я отвезу тебя в небесные дали, детка... Я отвезу... тебя в больницу... уложу на операционный стол...

Он потер глаза. В висках что-то дребезжало, словно там крутилась безумная карусель, заставляя трещать по швам

черепную коробку. Давление было невыносимым, и он всерьез опасался, что глазные яблоки, не выдержав напора бьющей внутри крови, вот-вот выскочат наружу, влажно повиснув на нервах.

«Может, ты случайно укололся своим ядом?» – прокрипел внутренний голос, и он машинально нажал мизинцем на краешек рукава. Наружу послушно, как слизень, выполз мешочек, набухший студенистой отравой. Евгений нажал еще, блеснуло смертоносное жало, которое тут же спряталось внутрь. Вперед-назад, вперед-назад. И входит, и выходит...

– Нет, – прошептал Евгений. – Я не мог. Я... тренировался... Это не яд.

Покачиваясь, он едва плелся, как издыхающий пес.

И когда силы окончательно покинули его, рядом остановился покрытый пылью темно-синий «Хендай».

– Эге, – услышал он над собой мужской бас. – Совсем плохо? Давай залазь.

Он промычал в ответ что-то несуразное, без сил плюхаясь на переднее сиденье.

– Тебя какого лешего сюда занесло-то? – вновь заговорил водитель. Загорелое лицо было грубовато-простодушным, выдавая в мужчине заядлого дачника. Судя по морщинам и седым волосам, он давно разменял седьмой десяток.

Немного придя в себя и отдышавшись, Евгений спросил:

– На Москву?

Водитель кивнул.

– Ты как здесь очутился? В аварию, что ли, попал? – не отставал он, с любопытством поглядывая на Золотарева. Его внимательный взгляд заскользил по грязной мотоциклетной куртке. – Рокер? Или как там сейчас по-модному... Байкер?

– Вроде того, – устало отозвался Евгений.

– От тебя бензином несет, – потянув носом, заметил водитель. И вдруг в лоб: – Сбил кого?

– Нет, – как можно спокойней ответил Золотарев. – Просто упал. Точнее, меня сбили.

– А где драндулет? – продолжал допытываться шофер.

«В п...де», – хотел раздраженно огрызнуться Евгений, с трудом сдерживаясь. Вслух же он произнес:

– Ехал себе по трассе, никому не мешал. Вдруг какие-то уроды на ржавой «Ниве» догоняют, начинают к обочине прижимать. Один орет, мол, подрезал я их где-то. Ржут, бычки швыряют. Ну, доприжимались, колесо повело, и я в канаву. Отключился. Пришел в себя – ни мотоцикла, ни телефона, ни денег.

– Ого, – присвистнул водитель.

«Про деньги я зря солгал, – запоздало подумал Евгений. – Чем расплачиваться-то? Сейчас этот старый пердун меня высадит...».

От него не ускользнуло, как тот насупился, и Золотарев поспешил заверить:

– Не переживайте, у меня карточка есть. Остановитесь у

банкомата Сбербанка, я заплачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.